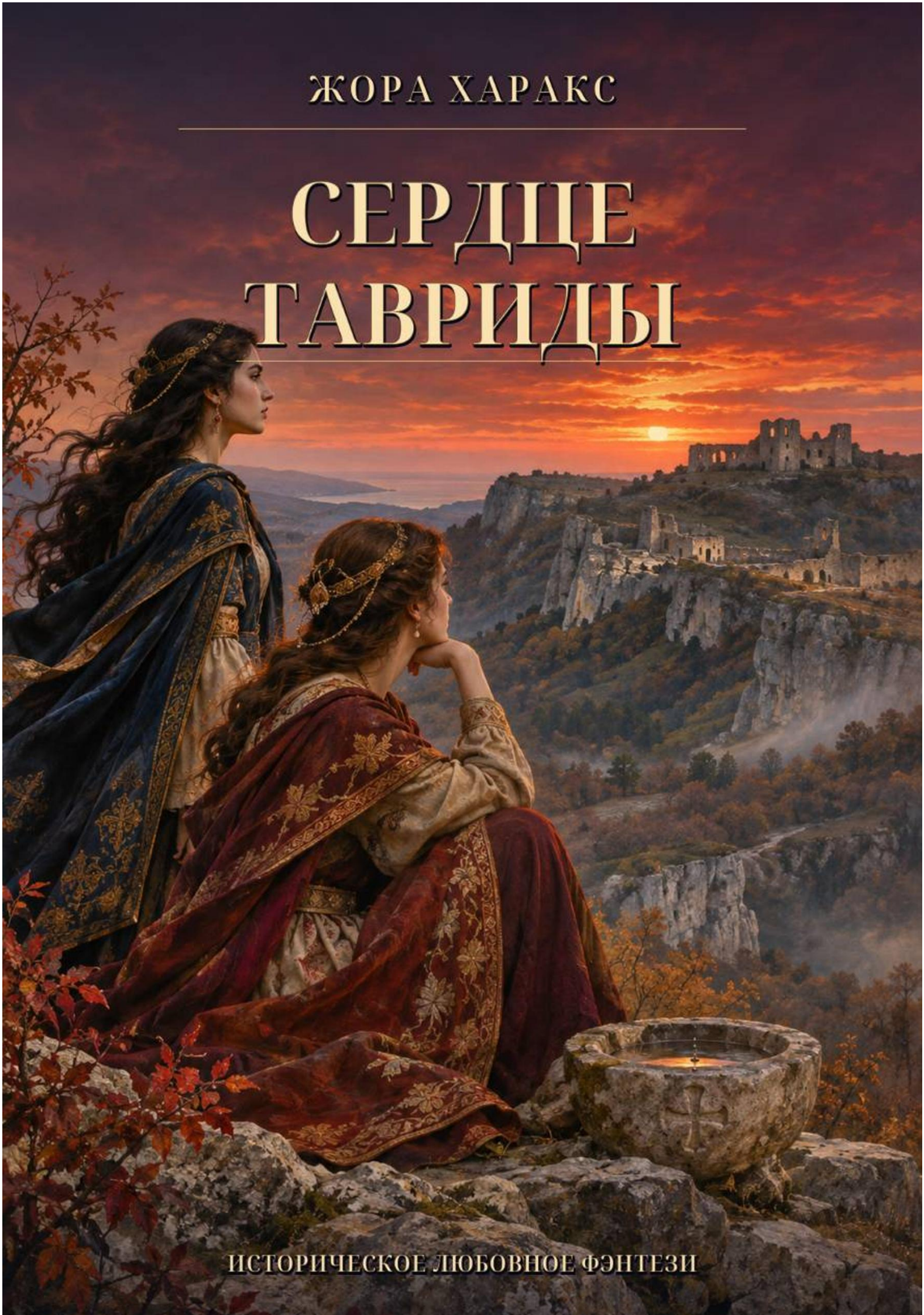

ЖОРА ХАРАКС
СЕРДЦЕ ТАВРИДЫ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛЮБОВНОЕ ФЭНТЕЗИ

Жора Харакс

Сердце Тавриды

«Автор»
2026

Харакс Ж.

Сердце Тавриды / Ж. Харакс — «Автор», 2026

Крым, 1474 год. На неприступном Мангупе ещё звучат свадебные песни, а над княжеством Феодоро уже сгущается тень войны.Генуэзец Лоренцо ди Спинола приезжает с письмом и тайной, которую не вправе открыть. Каллиста Гаврас не верит его улыбке — и тем страшнее ей обнаружить, что сердце не слушается разума.Тем временем её сестра Ирина находит в древних водных ходах загадочный знак. Кто такой Никандрос? Почему камень хранит имя Мелиссы? И какую цену заплатили те, кто решил уберечь прошлое от забвения?Когда османские войска подступают к Каффе и Мангупу, любовь становится испытанием, а верность — выбором между спасением себя и жизнью другого.«Сердце Тавриды» — историческое любовное фэнтези о двух сёстрах, предательстве и прощении, гибели княжества и памяти, которую невозможно завоевать.

© Харакс Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Последняя весна Феодоро 5
Глава первая. Чужеземец на Мангупе 5
Глава вторая. Две дочери одного дома 11
Глава третья. Человек с чужим поручением 17
Глава четвёртая. Праздник святого Георгия 23
Глава пятая. Лампада Чёрного Монаха 39
Глава шестая. Поцелуй под звёздами 56
Часть II. Колодец, который помнит 70
Глава седьмая. Дом у восточной стены 70
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Сердце Тавриды

Часть I. Последняя весна Феодоро

Глава первая. Чужеземец на Мангупе

Весна 1474 года

Лоренцо ди Спинола увидел Мангуп на рассвете и сразу понял, что крепость построили люди, не слишком доверявшие человечеству.

Над долинами возвышалось каменное плато, похожее на огромный корабль, навсегда севший на мель. За обрывами угадывались стены и крыши. Туман уходил из расселин, словно крепость не спешила показываться чужому человеку.

— Красиво, — сказал Лоренцо.

— Неприступно, — поправил проводник.

— Это разные вещи?

— Красивое можно получить, заплатив. Неприступное приходится брать силой.

Проводника звали Юсуф. Невысокий, сухощавый, в вытертом кафтане, он знал дороги лучше, чем свои долги, и на прямые вопросы отвечал только тогда, когда не находил другого выхода.

— Ты всегда разговариваешь как человек, который собирается продать город?

— Только с теми, кто приезжает его покупать.

Лоренцо нанял Юсуфа в Каффе за цену, которую счёл грабительской. Теперь, после трёх дней пути, начинал подозревать, что заплатил недостаточно.

— Здесь всех чужеземцев принимают так любезно? — спросил он.

— Нет, — сказал Юсуф. — Вы пока ещё за воротами.

Дорога постепенно сужалась. Навстречу спускался обоз из трёх повозок. Волы тянули бочки с вином, рядом шли двое мужчин, споривших о цене соли. За ними торопилась женщина с корзиной свежей зелени. Мальчик лет десяти гнал нескольких коз и громко сообщал животным, что они позорят его семью.

Козы не возражали.

Лоренцо невольно улыбнулся. Он готовился к встрече с суровыми воинами, подозрительными чиновниками и людьми, которые прежде всего спрашивают о цели приезда. А у подножия неприступной крепости мальчишка спорил с козами и явно проигрывал.

Откуда-то тянуло дымом очагов. По склонам цвели деревья. У дорожного источника две женщины набирали воду, обсуждая чужую свадьбу с таким ожесточением, будто от решения жениха зависела судьба всего Черноморья.

— Это всегда так? — спросил Лоренцо.

— Что?

— Здесь всё выглядит мирно.

Юсуф покосился на крепостные стены.

— Перед войной особенно.

* * *

У ворот их остановили четверо стражников. Старший рассматривал гостя так внимательно, словно тот был лошадью, которую собирались купить, но подозревали в скрытой хромоте.

— Имя?

— Лоренцо ди Спинола.

— Откуда?

— Из Каффы.

— Зачем прибыл?

— По торговым делам.

— Каким?

— Теми, для которых понадобится печать господина Гавраса.

— Значит, мне показывать их нельзя?

— Показывать можно. Решать за него — не советую.

Стражник протянул руку. Лоренцо отдал письмо: за воротами шутка стоила бы дешевле, чем здесь. Юсуф, до сих пор молчавший, одобрительно кивнул.

Письмо было снабжено печатью торгового дома и изложено с предусмотрительной неопределённостью, которую генуэзские купцы почитали высшим достижением дипломатии. В нём говорилось о сохранности имущества, безопасности торговых дорог и взаимном уважении. Не говорилось лишь о том, чего именно желали добиться отправители.

— Надо показать господину Гаврасу, — решил стражник.

— Прекрасно. Я как раз надеялся с ним встретиться.

— Здесь даже козы надеются попасть в господский сад. Не всем удаётся.

Стражник велел одному из молодых воинов проводить гостей к месту ожидания. Но Лоренцо не двинулся.

Его внимание привлёк старик, сидевший у стены. Перед ним лежала перевёрнутая корзина с гранатами — поздними, пережившими зиму, с потемневшими кожистыми боками. Один плод раскололся при падении. Красные зёрна рассыпались по камням.

— Убирайся с дороги! — раздражённо окликнул торговца стражник.

Старик попробовал поднять корзину, но пальцы не удержали плетёную ручку. Лоренцо присел рядом. Под сапогом стражника лежали рассыпанные гранатовые зёрна; Лоренцо отодвинул расколовшийся плод и принялся собирать уцелевшие гранаты.

— Куплю все, — сказал он.

— Они помяты, господин.

— Я тоже. Дорога была длинной.

Старик засмеялся и назвал цену. Юсуф присвистнул.

— За такие деньги в Каффе можно купить гранатовый сад.

— Но тогда мне придётся ещё и ухаживать за ним.

Лоренцо расплатился. Старик дважды пересчитал монеты, не веря такой удаче, а потом торопливо спрятал их за пазуху. Стражник наблюдал с непроницаемым лицом.

Когда они двинулись дальше, Юсуф негромко заметил:

— Теперь старик расскажет всем, что вы щедрый человек.

— Разве это плохо?

— Плохо, если хотите сохранить свои деньги.

— А если хочу, чтобы меня запомнили? Не каждый день купец прибывает с желанием растратить деньги и приобрести славу.

— Тогда вы выбрали самое дорогое средство.

Лоренцо оглянулся. Старик снова устраивал плоды в корзине, тщательно отделяя треснувшие от целых. Казалось, появление щедрого генуэзца уже перестало быть для него главным событием дня.

* * *

Мангуп начинался не с дворца.

Сначала были мастерские. У дверей кузницы мальчишка раздувал мехи, пока его отец выправлял железную полосу. Рядом гончар выставлял на солнце ещё влажные кувшины. Две

женщины спорили из-за шерстяного полотна, и одна уже собиралась призвать в свидетели Господа, когда вторая предложила позвать весовщика.

Над улицей сушились связки трав. Из открытого окна пахло свежим хлебом. У колодца стоял осёл с видом человека, которому уже выставили счёт, но забыли объяснить за что.

Город говорил на разных языках. Слышалась греческая речь, татарские слова, знакомые итальянские выражения. На одежде горожан встречались разные покрои, а на торговых прилавках — товары, проделавшие более длинный путь, чем многие путешественники.

Лоренцо прислушивался к торгу. На трёх языках люди просили уступить цену, и на каждом одинаково сердились, когда им отказывали. Он узнавал привычные уловки, но впервые не мог решить, с кем здесь выгоднее заключить договор: торговец, кричавший громче прочих, уже делил лепёшку с человеком, которому минуту назад грозился не уступить ни медяка.

Однако была одна странность.

На каждой второй улице Лоренцо встречал людей с кувшинами. Воду переливали в закрытые сосуды; старик у двора бранил юношу, расплескавшего ковш, так, словно тот уронил на землю серебро.

— Значит, воду приходится поднимать с самой долины? — спросил генуэзец.

— Нет. У Мангупа есть собственные родники, — ответил Юсуф. — Два больших, в разных балках. Вода выходит прямо из камня.

— И всё же по городу носят столько кувшинов.

— Родник не ходит за человеком, — сказал Юсуф. — А когда крепость осаждают, важно не только найти воду, но и доставить её туда, где она нужна.

— Удивительное место, — сказал Лоренцо. — Вся долина лежит ниже, а вода всё-таки выходит здесь.

— Камню виднее, как её хранить, — ответил Юсуф. — Местные дети знают, где напиться. А чужеземцам сперва приходится учиться смотреть под ноги.

Лоренцо ещё раз оглянулся на носильщиков. Источников было два, но кувшины несли в разные части города; запас воды значил мало, если его нельзя доставить вовремя. Он поймал себя на том, что запоминает не торговые ряды, а пути, по которым шли люди с водой.

* * *

Алексий Гаврас принял его после полудня. Это был высокий мужчина с тёмной бородой, уже тронутой сединой. Одет просто, но с уверенностью человека, привыкшего отдавать распоряжения.

— Вы проделали долгий путь, господин ди Спинола.

— Не настолько долгий, чтобы забыть, зачем приехал.

— Это обнадёживает. Большинство гостей вспоминают о своих целях лишь после третьего кубка вина.

На столе стояли хлеб, сыр, маслины и орехи в меду.

— Слышал, вы купили у ворот корзину гранатов, — заметил хозяин.

— В вашем городе новости распространяются быстро.

— Хорошие — медленно. Плохие — быстрее гонца. А странные — быстрее всех.

Алексий развернул письмо и остановился на словах об «обеспечении сохранности торгового имущества при возможном изменении политических обстоятельств».

— Любопытная формулировка.

— Достаточно обычная.

— Для людей, которые знают, какие именно обстоятельства изменятся?

— Для людей, которые привыкли не доверять обстоятельствам.

— А кому они доверяют?

— Хорошо составленным договорам.

Алексий сложил письмо.

— Вы молоды, господин ди Спинола.

— Это исправится.

— Боюсь, не всякая ошибка исправляется с возрастом.

— Ваши покровители опасаются войны? — спросил Гаврас.

— В Каффе опасаются всего, что мешает кораблям входить в гавань и выходить из неё.

— Следовательно, войны.

— В том числе.

Алексий отложил письмо и отломил кусок хлеба.

— Вы просите гарантий для кораблей и складов. Если нам придётся закрыть ворота, ваши доверители доставят зерно?

— Это зависит от условий.

— От чьих?

— От тех, которые мы сумеем согласовать.

Гаврас положил хлеб обратно на блюдо.

— Вот и ответ. Когда кораблю грозит потеря, у него есть хозяин. Когда городу грозит голод, хозяина для него не находится.

Лоренцо мог бы назвать три причины, по которым такие сравнения несправедливы. Вместо этого он спросил о размере предполагаемых поставок.

— Что вы хотите получить от нашего торгового дома? — спросил Алексий, не ответив на вопрос о зерне.

— Возможность сохранить отношения, что бы ни случилось.

— Не слишком ли удобно?

— Удобство — главный двигатель торговли.

— А совесть?

— Обычно следует за обозом.

Гаврас рассмеялся.

— Хорошо сказано. Только смотрите, чтобы обоз не ушёл слишком далеко.

* * *

К вечеру Лоренцо допустили на малое совещание при дворе князя Исаака. На столе лежали письма, счета и схемы окрестностей. Князь не предложил гостю вина; когда тот вошёл, Исаак доводил до конца распоряжение о зерне и не прервал его ради приветствия.

— Вы предлагаете договориться о безопасности имущества, — сказал Исаак.

— О безопасности торговли, государь.

— Разница?

— Торговля создаёт имущество. Имущество без торговли быстро становится добычей.

— А добыча быстро находит нового владельца.

— Именно поэтому мои доверители предпочитают договоры.

Князь не улыбнулся.

— Даже с теми, кто ещё не победил?

— Хороший купец заключает соглашение потому, что не уверен в завтрашнем дне.

— Значит, вы приехали торговать нашей неуверенностью.

— Я приехал предложить ей цену.

Совещание продолжилось. Говорили о дорогах, караванах, портах, пошлинах. О том, сколько зерна может принять город. Сколько скота удастся укрыть от неприятеля. Какие тропы остаются проходимыми после дождей.

Лоренцо отвечал осторожно. Он умел отличать вопрос, на который ждут ответа, от вопроса, которым проверяют отвечающего.

Но затем его взгляд остановился на старом листе пергамента.

Край документа был загнут и придавлен небольшим камнем. На листе виднелись линии, соединявшие несколько обозначенных точек. Одни напоминали дорожные развилки, другие — ёмкости для сбора воды. Тонкая красная черта уходила к краю рисунка и обрывалась под лежавшим сверху письмом.

Лоренцо знал подобные схемы. В Лигурии, где земля и вода могли стоить дороже человеческого труда, инженеры умели проводить каналы так, что чужеземец видел лишь камень, а местный житель — целую систему хозяйства.

На схеме были обозначены не только выдолбленные ёмкости и желоба. Две ветви линий уходили в сторону разных балок. Одна из них была подчеркнута знаком, который Лоренцо ещё не умел прочесть.

Он наклонился и увидел два переплетённых дельфина. Такой знак не объяснял ни уклона канала, ни глубины ёмкостей; оттого хотелось рассмотреть его внимательнее.

— Что это? — спросил он.

У дальнего конца стола перестали шелестеть бумаги.

— Старая схема, — ответил Алексий.

— Водосборная?

— Среди прочего.

— В Каффе я видел похожую систему отметок, но там…

— Здесь не Каффа, господин ди Спинола, — ровно сказал Исаак.

Советник поспешно накрыл схему ладонью. Лоренцо запомнил место, куда тот её убрал: в переговорах внезапно спрятанная бумага нередко значила больше предъявленной.

* * *

После совета Алексий догнал гостя у наружной лестницы. Внизу открывалась долина, залитая вечерним светом. Женщины звали детей к ужину. Из ближайшего двора доносилась песня, которую молодой мужской голос старательно портил чрезмерным усердием.

— Вы действительно разбираетесь в водных сооружениях? — спросил Гаврас.

— Немного.

— На совете вы смотрели на схему дольше, чем на договор.

— Бумаги о пошлинах я видел и прежде. Дельфинов на водосборе — нет.

— Схема старая. И не ваша.

— Я это понял.

По дальней галерее прошли две молодые женщины. Одна несла корзину и что-то объясняла спутнице, не давая той вставить слово. Вторая откинула тёмную прядь со лба, рассмеялась и унесла корзину у первой из рук. Обе исчезли за поворотом, не заметив чужеземца.

Лоренцо невольно повернул голову им вслед. Алексий заметил.

— Мои сёстры. Одна убеждена, что обязана исправлять ошибки мира. Другая полагает, что миру сперва следует дать их совершить.

— Кто из них прав?

— Когда узнаю, скажу. Если к тому времени останусь в живых.

Они спустились на несколько ступеней. Алексий вдруг спросил:

— Вы когда-нибудь любили женщину, господин ди Спинола?

— Вопрос входит в торговые переговоры?

— Пока нет.

— Любил. Она вышла замуж.

— За другого?

— К моему сожалению.

— За богатого?

— К её удовольствию.

Алексий улыбнулся, но не отвёл взгляда.

— А вы пытались её удержать?

— Предлагал то, что мог предложить.

— И этого оказалось мало?

Лоренцо не ответил. Можно было сказать «да» и превратить чужое решение в оценку собственного богатства. Алексий дождался молчания.

— Я не спрашиваю, чего стоила та женщина. Я спрашиваю, что она выбрала.

— Не меня, — сказал Лоренцо.

— Вот теперь вы ответили.

Внизу снова послышалась дурная песня; кто-то из женщин засмеялся и крикнул певцу, чтобы он лучше занялся ужином.

— Вы ищете дороги, господин ди Спинола, — сказал Алексий. — Только не считайте, что все они принадлежат тому, кто лучше знает карту.

* * *

Поздно вечером в отведённой ему комнате Лоренцо достал из дорожного сундука письмо.

Не то, которое показал князю. Другое.

На небольшом листе было всего несколько строк, написанных рукой человека, чьи поручения не принято обсуждать.

«Особое внимание уделить внутренним дорогам, запасам воды и возможности длительного сопротивления. Сведения передавать отдельно от торговых отчётов».

Лоренцо перечитал последнюю фразу и посмотрел на окно. Над долиной стояла полная луна. Где-то далеко на невидимой отсюда тропе двигался крошечный огонёк.

Огонёк мелькал между деревьями, будто кто-то поднимался с лампой к старому монастырю.

Лоренцо подошёл ближе. Огонёк остановился и погас.

Он положил тайное поручение рядом с торговым отчётом. У писем были разные адресаты, и оба ждали ответа.

На отдельном листе Лоренцо вывел: «Приём благоприятен. Оборонительные сооружения содержатся в надлежащем порядке. Полные сведения требуют времени».

Он задержал перо и прибавил: «Особых водных сооружений, представляющих интерес, пока не обнаружено».

Он перечитал написанное. На совете он видел схему с двумя дельфинами; утром запомнил дорогу к источникам. Слово «пока» оставляло ему время, но не освобождало от следующего письма.

За окном женщина позвала ребёнка по имени. Лоренцо дождался, пока стихнут шаги во дворе, сложил лист так, чтобы строчка о воде оказалась внутри, и запечатал.

Глава вторая. Две дочери одного дома

Мангуп. Весна 1474 года

Каллиста Гаврас узнала о приезде генуэзца по гранатам.

Вернее, по тому, что старый торговец Деметрий, обычно жаловавшийся на здоровье, цены и собственных детей, вдруг приобрёл такой счастливый вид, словно разом избавился от всех трёх несчастий.

— Чужеземец купил у меня всю корзину! — сообщил он, едва она появилась на рынке.

— Надеюсь, ты не продал ему вместе с гранатами и нашу крепость?

— За крепость он столько не предложил бы.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел, сколько у него денег.

Каллиста засмеялась. Она любила Деметрия. Он торговал здесь ещё при её деде и обладал замечательной способностью жаловаться даже на хорошую погоду. Если день был солнечным, он опасался засухи. Если шёл дождь — наводнения. Если урожай оказывался богатым, утверждал, что цены непременно упадут.

Однако сегодня старик сиял.

— Что ты сделал с деньгами?

— Отложил. На похороны. Ты знаешь, сколько нынче стоят приличные похороны? Жить стало дешевле, чем умирать.

— Тогда постарайся пожить ещё. Мне нравится покупать у тебя.

— Конечно нравится. С тебя я беру по-семейному.

— Ты берёшь с меня дороже, чем с приезжих.

— Так приезжие уезжают, а ты завтра опять придёшь.

Каллиста пошла дальше. Она проверяла покупки не из недоверия к прислуге: в большом доме неприятности чаще начинались не с предательства, а с того, что кто-то забыл заказать масло, не закрыл амбар или поверил купцу, обещавшему доставить муку к воскресенью.

Отец считал, что дочь слишком много занимается хозяйством. Брат Алексий — что недостаточно. Ирина утверждала, что Каллиста однажды выйдет замуж за кладовую, поскольку только там всё происходит по её распоряжению.

* * *

Ещё до выхода Каллисты на рынок младшая сестра объявила за завтраком, что намерена ехать в Каффу. Отец собирался уходить, Алексий читал письмо, а Каллиста выясняла, кто велел испечь хлеб из праздничной муки.

— Я поеду в Каффу, — сказала Ирина.

Никто не ответил.

— Я сказала, что поеду в Каффу!

— Мы слышали, — произнёс Алексий.

— Тогда почему молчите?

— Надеемся, что передумаешь.

Ей было девятнадцать лет, и она считала этот возраст достаточным основанием для любых решений, особенно тех, против которых возражала семья.

— Я не прошу разрешения.

— Тогда зачем сообщаешь? — спросил брат.

— Из уважения к вам.

— Как неожиданно.

— Поеду с караваном, со служанкой. Вернусь через неделю.

— Нет, — сказал отец.

— Почему?

— Времена тревожные.

— Они всегда тревожные. Если ждать спокойных, можно состариться у этих ворот, так и не узнав, что за ними.

— Ирина…

— Вы отправляете Алексия куда угодно. Каллиста распоряжается половиной дома. Даже слуги ездят дальше меня.

— Слуги ездят по поручению, — заметил Алексий.

— Тогда поручите мне что-нибудь.

— Привези немного здравого смысла.

— В Каффе его давно раскупили генуэзцы.

Каллиста не удержалась от смеха. Ирина взглянула на неё благодарно, но благодарность исчезла, когда Алексий сказал:

— Каллиста, объясни ей.

— Конечно! Она у нас всегда знает, что правильно.

— Я думаю, тебе можно поехать, — неожиданно сказала Каллиста. — С надёжным сопровождением, если отец согласится.

— Ты действительно так думаешь? Или хочешь показать, какая ты добрая?

Каллиста положила ладони на стол.

— Я не могу решить за отца, — ответила Каллиста. — Но могу попросить его тебя выслушать. И не стану потом допытываться, чем ты занималась в Каффе.

Отец поднялся: решение откладывалось до разговора с Алексием. Братья и отец ушли, а сёстры остались вдвоём.

— Зачем ты заступилась? — спросила Ирина.

— Потому что ты моя сестра.

— Я не ребёнок.

— Разве я сказала, что ребёнок?

— Ты всегда говоришь так, будто знаешь, что мне нужно.

— Тогда скажи мне сама.

Ирина подцепила ногтем хлебную крошку на скатерти. Она заранее приготовила ответы на запреты отца и брата. Ответа на сестринское «зачем» у неё не было.

— Я просто хочу уехать, — сказала она.

— От нас?

— Иногда.

— Понимаю.

— Нет. Именно этого ты и не понимаешь.

* * *

Во дворе Каллиста нашла конюха Петроса с осёдланной серой кобылой Ирины. К седлу был привязан дорожный мешок.

— Далеко собрались?

— Мне велели ничего не говорить, госпожа.

— Значит, далеко.

В дорожном мешке лежали одежда, серебряная брошь, кошелёк и деревянный дельфин, которого отец вырезал младшей дочери в детстве. Каллиста бережно положила фигурку обратно.

— Проверь подпругу, Петрос. И скажи Ирине, что восточную дорогу размыло.

— Вы разрешаете ей уехать?

— Если она попытается ехать одна, держись позади, — сказала Каллиста. — Не останавливай. Только проследи, чтобы она добралась живой.

— А если господин спросит?

— Скажешь правду: в этом доме уже давно никто никого не слушается.

К полудню Ирина вышла во двор в дорожном плаще. Кобыла стояла готовая; Петрос проверял подпругу.

— Каллиста приказала тебе седлать? — спросила Ирина.

— Проверить седло. И предупредить, что восточную дорогу размыло.

— А если я всё-таки поеду?

— Велено держаться позади.

— Чтобы вернуть меня?

— Чтобы вы добрались живой.

Ирина провела ладонью по шее кобылы. Сперва захотелось уехать назло Каллисте, потом — остаться ей назло. Оба решения всё ещё зависели от старшей сестры. Ирина сняла плащ и перебросила через перила.

— Лошадь пока не рассёдлывай, — сказала она. — Я ещё подумаю.

Позже Ирина сидела у открытого окна и вышивала. Вернее, делала вид, что вышивает.

Вышивка изображала птицу, которая из-за нескольких неверных стежков приобрела сходство с сердитой курицей.

— Как красиво, — сказала вошедшая Каллиста.

— Это сокол.

— Конечно.

— Ты смеёшься.

— Нет.

— У тебя лицо смеётся.

Каллиста села рядом. За окном пахло цветущим миндалём и дымом очагов.

— Помнишь, как мы хотели убежать в горы? — спросила она.

— Ты взяла хлеб, воду и запасные сандалии. Я взяла зеркало.

— И зачем?

— Показывала козам, какие они некрасивые.

Они засмеялись — как в детстве, до всех взрослых обид.

— Почему всё стало так трудно? — вдруг спросила Ирина.

— Мы выросли.

— Неубедительное объяснение.

— Другого пока нет.

— Ты хотела когда-нибудь уехать?

— Да. К морю. Чтобы никто не приходил с вопросами о муке, слугах и семейных счетах.

— И что бы ты делала?

— Сперва выспалась бы.

— А потом?

Каллиста сняла с рукава Ирины зацепившуюся нитку и долго распутывала крошечный узел.

— Чтобы меня хоть раз встретили без вопроса о ключах. Я, пожалуй, даже не знала бы, что ответить.

Ирина хотела рассмеяться, но Каллиста продолжала расправлять нитку, хотя узел уже исчез.

— Ты хочешь замуж?

— Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь остался рядом и тогда, когда от меня ничего не требуется.

— Разве тебя не любят?

— Любят. Но ты же знаешь: стоит в доме кончиться маслу, и все сразу вспоминают, где меня искать.

Ирина могла бы её обнять; вместо этого спросила:

— А если такой человек появится, уедешь с ним?

— Не знаю.

Ирина взглянула на дверь. Она не раз мечтала уехать сама; представить, что однажды уедет Каллиста, оказалось труднее. Нить выскользнула из иглы, и несчастному соколу досталось ещё несколько мгновений покоя.

— А я бы уехала сразу, — заявила она. — И вышла за самого красивого мужчину на свете.

— А если бы он оказался глуп?

— На первое время красота заменит ум.

— А потом?

— Потом пусть научится разговаривать.

* * *

Лоренцо появился к вечерней трапезе. Алексий пригласил его из гостеприимства и желания узнать больше, чем гость успел сообщить князю. Лоренцо пришёл без опоздания и подарил хозяевам тонкую стеклянную чашу.

— Красивая. Дорогая? — спросил Алексий.

— Достаточно, чтобы пожалеть, если разобьётся.

— Тогда не будем испытывать судьбу.

Первой вошла Каллиста — в глубоком синем платье, без лишних украшений. Она держалась спокойно и сразу заметила всё: гостя, подарок, выражение лица брата и блюдо, опасно придвинутое к краю стола.

— Госпожа Каллиста, для меня честь.

— Надеюсь, дорога не утомила вас.

— Я увидел столько прекрасного, что начал жалеть о каждом дне, проведённом в Каффе.

— Осторожнее. Если будете так хвалить Мангуп, решим, что хотите здесь поселиться.

— А если действительно хочу?

— Тогда сначала переживите нашу зиму.

Потом появилась Ирина — светлое платье, серебряная заколка и любопытство, от которого молодые мужчины совершали глупости, а потом называли их судьбой.

— Вы генуэзец?

— Боюсь, это уже невозможно скрыть.

— Правда, что генуэзцы способны продать даже собственную тень?

— Неправда. Мы предпочитаем сдавать её в аренду.

Ирина рассмеялась. Незнакомец не рассердился и не стал читать наставлений. Он говорил с ней как с равной. Это было неожиданно приятно.

Но, рассмешив Ирину, Лоренцо посмотрел на Каллисту. Совсем ненадолго. Младшая сестра заметила раньше всех.

* * *

За ужином беседовали о море, книгах, торговле и близком празднике святого Георгия. Алексий спрашивал о дорогах. Каллиста — о караванах и съестных запасах. Ирина — обо всём, что приходило в голову.

— А правда, что в Генуе женщины сами выбирают мужей?

— Иногда.

— А мужчины?

— Мужчины обычно уверены, что выбирают сами.

— И кто выбирает на самом деле?

— Тот, кто умеет дольше молчать.

— Значит, я никогда не выйду замуж, — решила Ирина.

— Большая потеря для Генуи.

За столом подали мясо с чабрецом, чесноком и кислым гранатовым соком. Лоренцо вспомнил старого Деметрия. Каллиста улыбнулась: торговца знали все. Их взгляды встретились. Ирина продолжала держать чашу, хотя пить уже не хотелось.

Когда мужчины ушли в библиотеку, Каллиста спросила:

— Он тебе понравился?

— Кто?

— Наш гость.

— Он забавный. И красивый. А тебе?

Каллиста помолчала одно мгновение.

— Да. Интересный человек.

Этого мгновения хватило.

— Может, он обманщик, — сказала Ирина. Она подтянула тесёмку на рукаве и тут же ослабила узел. — Может, у него есть невеста.

— Тогда ей повезло, если он хороший человек.

— Тебе легко быть великодушной. Тебя и без того все слушают.

Каллиста хотела окликнуть сестру, но та уже вышла. Только что речь шла о чужеземце; теперь Каллиста не была уверена, что Ирина сердилась на него.

* * *

В библиотеке Лоренцо заметил старые рукописи с пометами разных почерков.

— Кто писал на полях?

— Люди, которых уже нет, — ответил Алексий.

— Хороший способ продолжать спор после смерти.

— У нас есть предание, которое вам понравилось бы. О двух дельфинах.

Лоренцо поднял глаза.

— Я видел такой знак сегодня. На старой схеме во дворце.

Алексий перестал улыбаться.

— Вы ошиблись.

— Возможно.

— Скорее всего.

На пороге появилась Каллиста: отец звал брата. Алексий вышел, оставив гостя с сестрой.

— Кажется, я сказал что-то неуместное, — признался Лоренцо.

— В нашем доме это случается часто.

— Особенно со мной?

— Пока вы уступаете моей сестре.

Каллиста подошла к раскрытой книге.

— Вас интересуют старые истории?

— Меня интересует всё, что люди стараются скрыть.

— Опасное увлечение.

— А вас?

— Меня интересует то, что люди стараются сохранить.

— Почему?

— Людей, которые спорили на этих полях, больше нет. А спор остался.

Она пригласила его прийти на праздник; он попросил её быть проводником.

— Если сумеете поспевать за мной, — ответила Каллиста.

После её ухода Лоренцо закрыл книгу. Лишь тогда заметил, что так и не перевернул страницу.

* * *

Ночью Ирина никак не могла уснуть.

Она лежала с открытыми глазами и слушала, как ветер касается ставен. На столике возле кровати стояла маленькая лампа. Рядом лежал деревянный дельфин.

Ирина взяла его в руку. Тёмное дерево согрелось от ладони.

Она вспомнила, как отец рассказывал им сказку.

Два дельфина жили у берегов Тавриды. Один однажды уплыл далеко в море и нашёл прекрасный остров. Другой остался охранять подводный источник, от которого зависела жизнь людей.

Ирина в детстве спрашивала, при чём здесь два родника на вершине Мангупа. Отец всякий раз улыбался, но так и не объяснил, как морская сказка попала в их горный дом.

Когда море разгневалось и стало затапливать берега, вернувшийся дельфин предложил спасаться бегством. Но второй отказался.

Тогда первый остался рядом. Они соединили свои силы и закрыли путь разрушительной воде.

Отец всегда заканчивал сказку одинаково:

«Один может найти счастье. Двое могут его сохранить».

В детстве Ирина любила эти слова. Теперь они казались ей несправедливыми.

Дерево стало влажным. На ладони блеснула капля воды, за ней — вторая. В комнате было сухо, окно закрыто.

Ирина положила фигурку на стол. Ей послышалось, будто кто-то за стеной произнёс её имя. Она выглянула в коридор: никого, только в конце галереи одинокая лампада.

Утром Каллиста застала сестру у окна.

— Помнишь сказку отца? — спросила Ирина.

— О двух дельфинах? Конечно.

— Чем она заканчивалась?

— Они спасли источник.

— Не это. Почему ты никогда не рассказываешь историю до конца?

Каллиста хотела ответить, но внезапно увидела, что сестра держит не одну деревянную фигурку.

Второй дельфин лежал рядом, на подоконнике.

Тот самый, который много лет хранился в запертом сундуке Каллисты.

Ирина проследила за её взглядом.

— Ты его принесла?

— Нет.

— Тогда кто?

Каллиста осторожно взяла фигурку.

На тёмном дереве, там, где у дельфина должно было быть сердце, проступил тонкий серебристый знак. Раньше его не было.

Две переплетённые линии. И между ними — маленькая капля.

Каллиста коснулась капли кончиком пальца. Влага не исчезла, как ей следовало бы на сухом дереве.

Она была солёной.

Как морская вода.

Глава третья. Человек с чужим поручением

Мангуп. Весна 1474 года

Письмо из Каффы доставили вместе с рыбой.

И это обстоятельство более всего оскорбило Лоренцо. Не содержание — содержание он ещё не успел прочесть, — а то, что судьба уважаемого торгового дома оказалась доверена человеку, пахнувшему так, словно тот провёл ночь в трюме среди умерших скумбрий.

— Кто передал? — спросил Лоренцо.

— Мне сказали привезти, — ответил посыльный. — Кто сказал — не велели говорить.

— А если письмо подделано?

— Тогда его подделали очень старательно. За доставку заплатили дважды.

Посыльный протянул ладонь. Лоренцо дал монету и закрыл дверь раньше, чем тот успел предложить ещё что-нибудь.

На воске стояла печать торгового дома Спинола. Почерк принадлежал Бартоломео Спинола, старшему брату Лоренцо: тот распоряжался семейными поручениями и писал сухо, как счётная книга, даже когда речь заходила о человеческой жизни.

«Подтверди получение. Нам нужны не впечатления о горе, а сведения о складах, запасах и проходах. Слухи о скорой перемене хозяев над портами приобретают цену. Не будь последним, кто узнает о ней».

Ни слова о благополучии матери, о долгах младшего брата, о девушке, с которой семья уже обсуждала брак. И от этого письмо было гораздо убедительнее угрозы. Все эти люди существовали в его жизни, хотя автор письма не счёл нужным их назвать.

Лоренцо прочёл записку второй раз и сунул в рукав.

В окно доносился смех с улицы. Внизу двое мальчишек делили один гранат и спорили, кому досталась большая половина. Вчера Лоренцо купил целую корзину; сегодня ему требовали измерить цену города.

* * *

С хозяином торговой лавки Лоренцо встретился среди запахов сушёной рыбы, перца и канифоли. Лавочник был из тех, кто успевал оценить чужую одежду прежде, чем поздороваться.

— Генуэзцы опять беспокоятся о дороге? — спросил хозяин.

— Генуэзцы беспокоятся, чтобы по дороге было что везти. Пустой обоз не платит пошлины даже самому настойчивому сборщику.

— Значит, мы с вами друзья до тех пор, пока мои ослы не подохнут.

На прилавке лежали образцы шерсти, орехов и кожи. Хозяин показал Лоренцо запись о доставке: рядом с ценой товара стояли пошлина и ещё одна сумма — тем, кто обещал не грабить обоз. Купцы теперь платили за безопасность дважды. В деревнях придерживали зерно до осени, не зная, кто будет править дорогами; княжеские люди пытались пополнить запасы, и каждое купленное ими зерно превращалось в новый слух об осаде.

— В Каффе, должно быть, уже всё решили? — спросил лавочник.

— В Каффе спорят. Одни хотят сохранить договоры. Другие прячут деньги. Третьи готовы кланяться тем, кто ещё только собирается явиться.

— А вы?

— Пока я считаю зерно, которое действительно лежит в амбаре. Слухи в ведомость не запишешь.

Хозяин поднял над головой деревянную мерку.

— Тогда сосчитайте: шесть мер пшеницы, три осла, две дочери и одна жена. Что я спасу первым, если дорогу закроют?

— Жену, — сказал Лоренцо.

— Неверно. Она сама спасёт дочерей, пока я буду искать ослов.

Они рассмеялись. Но лавочник сразу опустил мерку.

— Говорят, в Каффе теперь платят и за сведения о воде. Хотите знать, сколько у нас колодцев?

Лоренцо ощутил, как под тонким сукном рукава шуршит письмо.

— Нет. Скажи лучше, почему весной так дорого стоит зерно.

Лавочник посмотрел на него испытующе.

— Потому что каждый ждёт осени, а никто не знает, кому она достанется. Зерно ещё в земле, а покупатели уже делят урожай.

* * *

В княжеском дворе Лоренцо вновь встретил Алексия. Гаврас возвращался из кладовой, неся на ладони сломанный медный замок.

— Вот истинный враг Феодоро, — сказал он. — Не турки, не татары и даже не генуэзцы. Небрежный кладовщик.

— И что он сделал?

— Убедил меня, будто замок исправен. Если бы я ему поверил, к зиме мы лишились бы половины запасов.

Лоренцо заметил чёрную пыль под ногтями Алексия. Пока гость подбирал слова о безопасности торговых дорог, хозяин проверял замки кладовых. Лоренцо убрал руку от печатки: пустые заверения здесь не открывали даже простого засова.

— Я хотел бы осмотреть караванные пути, — сказал Лоренцо. — Для торгового отчёта.

— Внешние — пожалуйста. О внутренних путях спрашивайте тех, кто ими пользуется.

— Вы мне не доверяете.

— Вы приехали от людей, которые и друг другу не доверяют. Почему я должен оказаться доверчивее?

Из глубины двора послышался голос Каллисты:

— Алексий, если ты собрался казнить гостя вопросами, предупреди кухню, чтобы не готовили на него ужин.

Она вышла с корзиной ключей и свёртком бумаг. Увидев Лоренцо, чуть замедлила шаг.

— Я не ожидала встретить вас сегодня, — сказала она.

— Я тоже, — ответил он и тут же понял, что эта любезность ничего не объясняет.

Ирина, появившаяся следом, рассмеялась:

— Каффинские торговцы так искусно начинают разговор, что к его концу забывают, зачем пришли.

— Иногда это единственный способ заключить выгодную сделку, — сказал Лоренцо.

— А иногда — способ сбежать от невыгодной, — отозвалась она.

Ирина смеялась, но, прежде чем ответить Лоренцо, взглянула на сестру. Он уже видел этот взгляд за вчерашним ужином.

Алексий велел Каллисте показать гостю дорогу к садам и внешнему водосбору — ту, которой пользовались поставщики. О военных проходах говорить запретил. Каллиста переставила корзину из одной руки в другую.

— Я покажу ему дорогу, которую и без нас знает половина города, — сказала она.

— Вот и хорошо, — ответил Алексий. — Вторая половина пусть останется дома.

* * *

Они вышли за жилые кварталы. Ветер качал молодые листья, под ногами хрустел белёсый камень. Каллиста шла так быстро, что Лоренцо приходилось следить за неровной тропой, а не за её лицом.

— Вы всегда так спешите? — спросил он.

— Когда веду гостя к дороге — да. Дорога сама под ноги не придёт.

— А когда не ведёте?

— Особенно.

У террасы стояла женщина с мальчиком. Её осёл опрокинул две корзины, и ребёнок безуспешно пытался собрать рассыпавшийся лук. Каллиста сразу остановилась, помогла закрепить корзины, расспросила о больной матери женщины и велела передать ей немного масла из домашних запасов.

— Вы знаете всех? — спросил Лоренцо, когда они пошли дальше.

— Нет. Только тех, кто однажды просил помочь.

— И помогаете всегда?

— Нет. Иногда отказываю.

— Значит, всё-таки умеете.

Каллиста улыбнулась, но быстро спрятала улыбку.

— Вы говорите так, будто у вас совсем нет обязанностей.

— У меня их столько, что я завёл привычку говорить легко. Иначе буду всё время молчать.

— Молчание иногда полезно.

— Вы знакомы с моей семьёй?

Она засмеялась. Лоренцо начал было рассказывать о матери, младшем брате и письмах из дома, требовавших срочно поправить семейные дела. Всё это было правдой. Но Каллиста могла спросить, зачем именно он приехал в Мангуп. Он замолчал, не дожидаясь вопроса.

Они вышли к каменному желобу. Вода тонкой струёй бежала в резервуар, прикрытый тяжёлыми плитами. Рядом крестьянин поправлял запор и ворчал на мальчика, залезшего на крышку.

— Вода здесь — дело общее, — сказала Каллиста. — Когда её мало, каждый помнит, что у соседа тоже есть дети. А когда много, все почему-то забывают.

Каллиста показала ему направление двух балок, где выходила природная вода. Но к запертым водосборам, желобам и закрытым проходам, по которым её могли распределять, чужеземцев не допускали.

Лоренцо присел возле желоба. На одной из плит он заметил процарапанную линию, уходящую под землю.

— Давно вы собираете её так?

— Дольше, чем мы помним. Что-то меняли, что-то достраивали. У мастеров свои знаки.

— И у вашей семьи тоже?

Каллиста посмотрела на него.

— Вы снова о дельфинах?

Лоренцо выпрямился.

— Я вчера заметил их на схеме. Брат сказал, что ошибся.

— Алексий умеет защищать даже от вопросов.

— А вы?

— Я прежде хочу понять, кто спрашивает.

Лоренцо не отвёл глаз.

— Лоренцо ди Спинола, — сказал он. — Человек, которому платят за любопытство.

— Это я уже знаю. А кто вы, когда никто не платит?

Он провёл большим пальцем по перстню с печатью Спинола. От имени торгового дома он сумел бы ответить немедленно. От собственного — не знал что сказать.

Каллиста отвела взгляд к воде.

— Отец рассказывал нам, что море умеет помнить. Я верила в это маленькой. Потом перестала. А теперь иногда думаю: может быть, забывать научились только люди.

— Морю легче. У него нет писем, которые надо уничтожать.

— У вас есть такое письмо?

Лоренцо рассмеялся чуть позднее, чем следовало.

— У каждого купца найдётся хотя бы одно.

* * *

На обратном пути Каллиста рассказала о прежних дорогах. Она знала, где после дождей сползают камни, где весной пропадает тропа, какой садовник каждую осень обещает заплатить за воду и забывает. Всё это было важнее для жизни города, чем красивые речи о величии княжества.

— Вы, вероятно, считаете нас провинциалами, — сказала она.

— Я считаю, что здесь много людей, которых стоит знать.

— И кого же вы уже знаете?

— Вашего брата. Старого торговца гранатами. Человека, который обвинял осла в порче лука. И двух сестёр, способных довести до отчаяния самого предусмотрительного купца.

Каллиста рассмеялась.

— Ирина понравилась вам?

— Она остроумна.

— Она намного больше, чем остроумна.

— Я вижу, вы любите сестру.

— Не всегда это одно и то же, что понимать её.

Он хотел спросить, что между ними произошло, но не посмел. Каллиста остановилась у поворота. Отсюда уже виднелись городские стены.

— Вы узнаете о Мангупе больше, если станете говорить не только с советниками, — сказала она.

— Я уже узнал больше, чем рассчитывал.

— Осторожнее, господин ди Спинола. За лишнее знание иногда приходится платить.

— Я думал, это моё ремесло.

— Нет. Ваше ремесло — назначать цену. Это совсем другое.

Она пошла вперёд. Лоренцо достал из рукава сложенное письмо, взглянул на печать и спрятал обратно.

* * *

Когда Каллиста вернулась в дом, Ирина сидела у бокового входа с корзиной лекарственных трав. Она занималась делом, которое обычно доверяли старшей сестре: отделяла годные листья от испорченных и сверяла то, что принесли из гор, с запиской лекаря.

— Алексий сказал, ты показывала гостю дорогу к водосбору, — произнесла она, не поднимая головы.

— Только ту, которой ходят торговцы.

— Как предусмотрительно. Теперь он сможет привезти сюда обоз. Или вывести отсюда чужой.

Каллиста заметила рядом с сестрой аккуратную кучку отбракованных листьев. Ирина не подняла головы; от её пальцев пахло чабрецом и полынью.

— Ты считаешь, я поступила неразумно?

— Я считаю, ты привыкла отвечать за всех. Даже за людей, которых не знаешь.

Каллиста взяла с края корзины веточку чабреца. Листья пахли сухим летним склоном, хотя весна только начиналась.

— А ты привыкла думать, что всякий мой поступок направлен против тебя.

Ирина подняла глаза, будто собиралась сказать правду. Вместо этого пожала плечами:

— Против меня? Что ты. Ты ведь для всех стараешься.

Каллиста положила веточку на место. Она хотела остаться, спросить ещё раз, но с кухни уже звали: у кого-то пропала связка ключей от кладовой. Её имя произнесли дважды — с растущей уверенностью, что без неё ничего не решится.

— Мне надо идти, — сказала Каллиста.

— Конечно, — ответила Ирина.

Когда шаги сестры стихли, Ирина выложила из корзины повреждённые листья. Она вдруг заметила, что отделила их без единой ошибки. Работа получилась хорошо — и никто этого не увидел.

На пороге появился Петрос с пустым мешком для трав.

— Госпожа Каллиста велела спросить, всё ли готово.

Ирина протянула ему корзину.

— Передай ей, что здесь всё сделано. И не забудь добавить: без её указаний.

Петрос кивнул с видом человека, который предпочёл бы вести осла по обрыву, чем повторять в доме такие слова.

* * *

Вечером Лоренцо сел за ответ Бартоломео. На первом листе он перечислил цены на зерно, прибывшие обозы, пошлины и состояние дороги. Затем положил его в сторону и взял второй лист — для сведений, которые не следовало оставлять в общей торговой ведомости.

«Город располагает системой накопления и распределения воды. Местные жители знают её лучше приезжих. Для точного описания требуется допуск к закрытым участкам».

Он перечитал написанное. Достаточно было упомянуть о закрытых водосборах, чтобы в Каффе начали искать человека, способного туда попасть. Лоренцо вспомнил, как Каллиста остановилась перед запертым проходом и не сделала ни шага дальше.

Лоренцо разорвал второй лист.

Клочки уместились в ладони. Лоренцо положил их под свечу и посмотрел на первый лист: семья ждала от него сведений, за которые можно было получить деньги. Пустое место между строк Бартоломео тоже умел замечать.

Вместо него он написал: «Достоверных сведений о внутренних дорогах нет. Для оценки положения достаточно внешних торговых путей».

Лоренцо перечитал ответ. В нём не было выдумки: закрытых ходов он не видел. Но он уже знал, у кого можно спросить. Этих имён на листе не оказалось.

Лоренцо повертел перо в пальцах и отложил. Если брат потребует объяснений, сослаться на плохую дорогу уже не получится.

Он запечатал письмо и велел отнести его с утренним караваном.

* * *

Ночью в дверях опять появился тот же посыльный. На этот раз он не принёс свёртка — только слова, которые, судя по его виду, ему заплатили передать отдельно.

— Мне велели сказать это после письма, — начал посыльный. — Бартоломео предупреждает: скоро приедет человек, который не станет задавать вопросы о цене пшеницы.

— Кто?

— Имени не назвали.

— Что ему нужно?

Посыльный оглянулся на тёмный коридор.

— Всё, что скрыто под камнем.

После ухода посыльного Лоренцо ещё держался за дверную ручку. Он вспомнил тяжёлую плиту над водой, Каллисту и две переплетённые фигуры на пергаменте. Письмо, приготовленное к утреннему каравану, теперь казалось запоздалым ответом на чужой вопрос.

Он достал чистый лист, написал обращение и остановился. Правду следовало сообщить кому-то в Мангупе; но письмо без доказательств обернулось бы против того, кого он хотел предупредить.

Снаружи ударил ночной колокол. Лоренцо бросился к окну. На дальней тропе мерцал огонь, хотя моросил дождь.

Он погасил свечу. На мокрой тропе огонь лампады продолжал идти вверх по склону — против ветра, от которого гнулись деревья.

Глава четвёртая. Праздник святого Георгия

Мангуп. Весна 1474 года.

В день святого Георгия Ирина Гаврас решила влюбить в себя генуэзца.

Решение было принято ранним утром, между примеркой нового платья и ссорой с домашней служанкой, которая имела несчастье заметить, что синяя лента подходит госпоже больше красной.

— Красная, — сказала Ирина.

— Но госпожа Каллиста вчера советовала синюю.

— Именно поэтому красная.

Служанка Фотина вздохнула.

За пятнадцать лет службы в доме Гаврасов она усвоила главное правило: если младшая госпожа просит совета, отвечать следует быстро, а выполнять — только после того, как она передумает.

— Тогда красная, госпожа.

— Ты считаешь, что я не умею выбирать?

— Господь свидетель, вы умеете выбирать всё. Кроме спокойной жизни.

Ирина рассмеялась.

Фотина воспитывала Ирину с пяти лет и давно усвоила, на какие слова младшая госпожа сердится лишь для виду.

— Он придёт сегодня? — спросила девушка.

— Кто?

— Генуэзец.

— А, господин ди Спинола.

— Разве здесь есть другой?

— В вашем возрасте, госпожа, любой красивый мужчина кажется единственным.

— Ты сегодня необыкновенно разговорчива.

— Это оттого, что ещё не завтракала.

Ирина подошла к зеркалу.

Платье сидело хорошо. Тёмные волосы были уложены так, чтобы несколько прядей выглядели случайно выбившимися, хотя ради этой случайности Фотине пришлось потратить добрых полчаса.

Она взглянула на своё отражение.

Красивой она себя считала без особых сомнений.

Но вчера за ужином Лоренцо смотрел на Каллисту.

Не всё время. Не откровенно. И всё же достаточно часто, чтобы Ирина заметила.

Она замечала взгляды прежде, чем люди успевали их отвести.

— Сегодня он будет смотреть на меня, — сказала она.

Фотина завязала последнюю ленту.

— Только не трогайте ленту всякий раз, когда он посмотрит, — посоветовала Фотина. — Не то запомнит одну ленту.

* * *

Каллиста с утра обнаружила, что святой Георгий, победивший дракона, едва ли справился бы с подготовкой праздничного стола.

Дракон, по крайней мере, был один.

Кухарок же оказалось четыре, и каждая имела собственное представление о том, сколько чеснока следует положить в мясо.

— Ещё немного, госпожа, — убеждала старшая кухарка Мария.

— Вчера ты говорила то же самое.

— Вчера мясо было другое.

— Чеснок тот же.

— В том-то и беда.

Во дворе на длинных столах раскатывали тесто. Молодые девушки лепили маленькие пироги с зеленью и сыром. В большом котле кипело мясо с луком и пряными травами. На решётках над углями подрумянивалась рыба, доставленная накануне с южного побережья.

Каллиста попробовала соус, задумалась и велела добавить немного кислого гранатового сока.

Мария удостоила её взглядом, каким обычно награждала лишь покойную мать хозяина.

— Вот теперь будет хорошо.

— До тех пор, пока ты снова не добавишь чеснока.

— Госпожа, вы раните меня в самое сердце.

— Ничего. Сердце у тебя крепкое.

С рынка принесли два кувшина воды. Один был отмечен белой ниткой на ручке, другой — красной. Мария поставила их у кухонного стола и приказала не путать.

— Теперь у нас и вода наряжается к празднику? — спросила Каллиста.

— Белая — из одной балки, красная — из другой. Вода на вкус почти одинакова, а мои работницы спорят об этом с рассвета.

— Пусть спорят, лишь бы не забывали кормить гостей.

— Так они и кормят, госпожа. Сперва словами.

Каллиста улыбнулась, но тут во двор вбежал Петрос.

— Госпожа! У западных ворот задержали обоз.

— Почему?

— Стража требует проверить бочки. Купцы говорят, что опоздают к праздничной торговле.

— Чьи купцы?

— Из долины.

— У кого разрешение?

— У старшего караванщика.

Каллиста сняла передник.

— Иду.

Петрос помедлил.

— Там ещё господин Алексий велел узнать, готово ли помещение для гостей.

— Готово.

— А отец спрашивал, где его праздничный пояс.

— В сундуке возле кровати.

— Ирина просила передать, что ей нужны серебряные серьги.

— Пусть возьмёт.

— Но вы вчера сказали…

Каллиста остановилась.

— Петрос, скажи мне одну вещь. Если я однажды исчезну, этот дом продержится до вечера?

Юноша задумался.

— Если исчезнете после обеда, госпожа, то, наверное, да.

Каллиста рассмеялась.

И лишь вернувшись от западных ворот, Каллиста позволила себе устать.

Она добилась, чтобы стража досмотрела бочки при караванщике: никто не отменял охраны ворот ради праздника. Купцы успели к торговле, а сторож получил запись о проверке. Из-за спора о двух бочках Каллиста пропустила начало службы.

Ей было двадцать четыре года. После такого утра она охотно поменялась бы возрастом с Фотиной: та хотя бы умела сказать, что устала.

* * *

Праздник начинался с колоколов.

Их голоса расходились над плато, отражались от скал и падали в долины, где ещё лежали полосы утреннего тумана.

К храму шли горожане в праздничных одеждах. Мужчины несли свечи, женщины вели детей. На каменных ступенях толпились мальчишки, получившие редкую возможность безнаказанно шуметь возле священного места.

В толпе слышались разные языки.

Греки, потомки разных народов Крыма, люди из окрестных татарских селений, приезжие торговцы. Одни пришли молиться, другие — посмотреть на праздничное собрание, третьи — продать товары, пока покупатели пребывали в хорошем расположении духа.

Лоренцо задержался у края площади, наблюдая, как люди уступают друг другу место и тут же ссорятся из-за цены.

В Каффе он привык к многолюдью, но здесь удивляло другое.

Здесь не приходилось долго выяснять, кто чей сосед и кому кто должен.

Должника могли обругать при всех и тут же помочь ему поднять упавший мешок.

Хромому ветерану молча освободили место на ступени. Тот сел и немедленно принялся ворчать, что раньше в праздники пели лучше.

В Генуе Лоренцо знал людей, с которыми годами обменивался письмами, но не мог представить их за общим столом.

В Мангупе чужие дела знали слишком хорошо — и всё-таки не всегда отворачивались от чужой беды.

— Смотрите внимательнее, — раздался рядом голос. — У нас редко бывает столько счастья одновременно.

Лоренцо обернулся.

Перед ним стояла Каллиста.

Сегодня она не походила на женщину, распоряжавшуюся кладовыми и споривщую с поварами.

Тёмно-синее платье было расшито тонкой серебряной нитью. Волосы прикрывало лёгкое покрывало, но несколько локонов выбились возле висков.

И всё же самым непривычным было выражение её лица.

Она улыбалась.

Не из учтивости.

Просто потому, что ей нравился этот день.

— Госпожа Каллиста, — поклонился Лоренцо. — Я боялся, что вы забудете о своём обещании показать мне город.

— Я тоже.

— Почему?

— Утром мне пришлось спасать праздничный обед от четырёх женщин, каждая из которых считала себя единственной хранительницей правильного рецепта.

— И кто победил?

— Пока никто. Но, если наши гости останутся живы, я объявлю ничью.

Лоренцо рассмеялся.

— Вам следовало бы управлять нашим торговым домом. Вы, кажется, умеете заставить спорящих людей закончить обед вовремя.

— А в вашем торговом доме спорят о чесноке?

— О гораздо менее важных вещах. Например, о деньгах.

— А вы умеете их мирить?

— Обычно нахожу, кому выгодно, чтобы они продолжали ссориться.

Каллиста посмотрела на него.

— Значит, вы не миротворец.

— Я купец.

— Какая удобная профессия. Ею можно объяснить любой недостаток.

— Даже достоинство, госпожа. Но это обходится дороже.

Они пошли вдоль площади.

Ирина увидела их издалека.

И впервые за утро пожалела, что выбрала красную ленту.

* * *

После службы на площади устроили состязания.

Стреляли из лука, боролись, мерились силой, спорили о достоинствах лошадей. У ремесленных лавок продавали деревянные игрушки, ножи, украшения, расписные миски и небольшие иконки.

Над жаровнями поднимался душистый дым.

Старый Деметрий торговал гранатами и орехами. Увидев Лоренцо, он почтительно поклонился.

— Мой благодетель!

Каллиста засмеялась.

— Осторожнее, господин ди Спинола. Теперь он будет преследовать вас до конца жизни.

— Если жизнь окажется достаточно долгой, я смогу вернуть потраченные деньги.

— Не рассчитывайте, — предупредил Деметрий. — Я ещё собираюсь продать вам финики.

Ирина появилась рядом совершенно неожиданно.

— Господин ди Спинола, вы умеете стрелять из лука?

— В юности пробовал.

— Хорошо?

— Достаточно, чтобы меня больше не приглашали.

— Почему?

— Я чуть не убил человека, который держал мишень.

— Тогда вам непременно следует участвовать.

— Вы желаете избавиться от меня?

— Нет. Проверить, насколько вы честны.

Она взяла его под руку и повела к месту состязания.

Каллиста осталась возле Деметрия.

Старик посмотрел вслед молодой паре, затем на неё.

— Хороший человек этот генуэзец.

— Почему вы так решили?

— Платит не торгуясь.

— Это ещё не признак добродетели.

— Для торговца — почти святость.

Каллиста улыбнулась.

Но, заметив, как Ирина наклонилась к Лоренцо, Каллиста надолго задержала руку над корзиной с гранатами.

Он рассмеялся. Каллиста взяла плод и только тогда заметила, что не спросила цену.

— Госпожа, с вас не возьму, — сказал Деметрий.

— Возьмёшь. Иначе завтра объявишь меня своим благодетелем.

Каллиста расплатилась, стараясь не смотреть вслед сестре.

* * *

Состязание началось с насмешек.

Молодой кузнец Никифор, славившийся метким глазом, предложил чужеземцу показать, умеют ли генуэзцы обращаться с оружием так же ловко, как с деньгами.

— Умеем, — ответил Лоренцо. — Просто деньги реже ранят владельца.

Толпа засмеялась.

Никифор протянул ему лук.

Лоренцо взял оружие, проверил тетиву.

Он действительно стрелял когда-то.

Правда, гораздо охотнее наблюдал, как стреляют другие.

— Цель вон там, — указал кузнец.

На расстоянии нескольких десятков шагов стоял соломенный щит.

В центре был нарисован чёрный круг.

— Если попадёте, получите приз.

— Какой?

— Уважение Мангупа.

Лоренцо задумался.

— А нельзя деньгами?

Толпа снова расхохоталась.

Ирина стояла рядом, сияя удовольствием.

— Стреляйте, господин ди Спинола!

Он натянул тетиву.

Прицелился.

Стрела сорвалась.

И угодила в деревянный шест рядом со щитом.

Наступила тишина.

Затем Никифор сказал:

— Хороший выстрел. Если бы врагом был шест.

Лоренцо поклонился.

— Я всегда предпочитал поражать противника неожиданностью.

Вторую стрелу он выпустил быстрее.

На этот раз она попала в край щита.

Толпа одобрительно загудела.

Никифор прищурился.

— Вы умеете стрелять лучше, чем показываете.

— В торговле это называется осторожностью.

— А на войне?

— На войне обычно некогда давать этому название.

Каллиста подошла к состязавшимся и услышала последнюю шутку Лоренцо. Тот держал лук свободно, но пальцы ещё оставались напряжёнными после второго выстрела.

Когда Никифор предложил ему третью стрелу, генуэзец вернул оружие.

— Для хорошей торговли надо вовремя остановиться, — пояснил он.

Каллиста запомнила отказ лучше обоих выстрелов.

* * *

Когда начались танцы, Ирина решила, что пришло время действовать.

Музыканты расположились возле длинного навеса. Звучали свирели, струнные инструменты и барабан. Молодые люди собирались в круги, менялись местами, смеялись, притопывали в такт.

— Вы танцуете? — спросила Ирина.

— Только когда это необходимо.

— Сейчас необходимо.

— Кому?

— Мне.

Она протянула руку.

Лоренцо поклонился.

— Перед таким доводом торговые договоры бессильны.

Они вошли в круг.

Ирина танцевала превосходно.

Она двигалась легко, быстро, с той уверенностью, которую приобретают люди, с детства любящие быть в центре внимания. Но сегодня ей было важно не внимание толпы.

Она хотела, чтобы смотрел один человек.

Лоренцо оказался неожиданно ловким партнёром.

Он успевал за её движениями, угадывал повороты и однажды, когда она нарочно ускорила шаг, поймал её за руку прежде, чем она потеряла равновесие.

— Осторожнее, госпожа.

— Вы боитесь?

— За себя.

— А я думала, за меня.

— За вас я уже не успеваю.

Она рассмеялась.

И на мгновение действительно забыла о Каллисте.

Когда музыка закончилась, Лоренцо поцеловал ей руку.

— Вы опасный противник.

— Это комплимент?

— Предупреждение самому себе.

Ирина подняла глаза.

Ей показалось, что сейчас он скажет нечто особенное.

Но Лоренцо вдруг посмотрел поверх её плеча.

Каллиста стояла возле небольшого столика и помогала пожилой женщине усесться.

Он заметил её.

Ирина заметила это.

Всё случилось за одно мгновение.

Но радость ушла так быстро, словно кто-то задул свечу.

— Вы ищете мою сестру? — спросила она.

Лоренцо обернулся.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что она всегда там, где нужна помощь.

— Это плохое качество?

Ирина улыбнулась.

— Прекрасное. Особенно если человек хочет, чтобы его любили за добродетель.

Лоренцо не сразу ответил.

— А вас за что следует любить?

Ирина машинально поправила красную ленту, хотя узел не ослаб.

— Попробуйте узнать.

Он посмотрел на неё с неожиданной мягкостью.

— Боюсь, я не очень хороший исследователь человеческих сердец.

— Тогда вам стоит научиться.

Ирина отошла прежде, чем он успел ответить.

Она не хотела, чтобы он увидел её лицо.

* * *

Каллиста обнаружила Лоренцо возле торговых рядов.

Он стоял у прилавка с книгами и рассматривал старую рукопись.

— Опять ищете тайны?

— Сегодня я ищу человека, который согласится продать мне книгу за разумную цену.

— Значит, вы выбрали неподходящий праздник.

— Почему?

— Сегодня все торговцы уверены, что святой Георгий лично благословил их на повышение цен.

Она остановилась рядом.

Лоренцо показал ей книгу.

— Вы знаете этот текст?

Каллиста взглянула на страницу.

— Псалмы. Но переписчик не слишком старался.

— Вы читаете по-гречески?

— Разумеется.

— По-латыни?

— Немного.

— А по-итальянски?

— Достаточно, чтобы понять, когда меня пытаются обмануть.

Лоренцо рассмеялся.

— Тогда я должен быть особенно осторожен.

— Должны.

Она вернула книгу продавцу.

Они вышли из толпы.

За площадью начиналась узкая улица, ведущая к южной стороне плато. Здесь было тише. Из открытых дверей домов доносились голоса, пахло хлебом и жареным мясом.

— Вы заметили, что город носит воду, хотя родники здесь, на горе? — спросил Лоренцо.

— Вода не обязана приходить к нашему столу сама, — сказала Каллиста. — Наши родники лежат в разных балках. Оба нужны городу.

— Значит, у Мангупа два сердца.

— Так говорил мой дед. Только он добавлял: пока оба слышат друг друга, крепость жива.

— А если перестанут?

— Дед не любил отвечать на вопросы, которых боялся.

Лоренцо не переспросил. В другой день он наверняка попросил бы показать, откуда поступает вода; сейчас ему не хотелось превращать прогулку в осмотр крепости.

— Вы сегодня почти не отдыхали, — заметил он.

— Зато все остальные отдыхают.

— Это вас радует?

— Да.

— Даже если никто не благодарит?

Каллиста удивилась.

— Почему вы решили, что меня должны благодарить?

— Потому что труд, который все считают естественным, обычно оказывается самым тяжёлым.

Она поправила край корзины, и без того лежавший ровно. Никто прежде не говорил с ней так о работе, которую в доме почти не замечали.

— Вы говорите странные вещи для купца, — произнесла она.

— Вероятно, мне следует меньше говорить.

— Не следует.

Они помолчали.

Вдалеке за крышами виднелись горы.

Солнце уже начинало клониться к западу.

— Вы когда-нибудь хотели уехать? — спросил Лоренцо.

Каллиста улыбнулась.

— Сегодня вы второй человек, который задаёт мне этот вопрос.

— И что вы ответили первому?

— Что хотела бы жить у моря.

— В Каффе море видно почти отовсюду.

— Значит, жители Каффы счастливые люди.

— Удивительно несчастные. Они так заняты подсчётом прибыли, что почти не замечают воды.

— А вы?

Лоренцо посмотрел вдаль.

— Я веду торговые книги с юности. Иногда мне хочется узнать, чем бы я занимался, если бы не пришлось всё время считать.

Каллиста не засмеялась.

Он был благодарен ей за это.

— И что бы вы сделали? — спросила она.

— Не знаю. Возможно, построил бы дом.

— Где?

— Там, где мне захотелось бы остаться.

— А почему вы нигде не остались до сих пор?

Лоренцо посмотрел на неё.

— Не было причины.

Они стояли близко.

Не настолько, чтобы их можно было обвинить в нарушении приличий.

Но достаточно, чтобы Каллиста разглядела его светлые, с серым оттенком глаза.

И что он смотрит на неё не так, как смотрел за праздничным столом.

Она опустила взгляд.

— Причины иногда оказываются опаснее дорог, — сказала она.

— Вы говорите как ваш брат.

— Это семейное несчастье.

— Надеюсь, не наследственное.

Она рассмеялась.

Лоренцо готов был сказать ещё какую-нибудь глупость, только бы Каллиста снова рассмеялась.

* * *

Их разговор прервали крики.

На соседней улице мальчишка лет семи стоял возле опрокинутой корзины и отчаянно плакал.

Рядом лежала разбитая глиняная миска.

Несколько женщин окружили его.

— Что случилось? — спросила Каллиста.

— Он разбил посуду, — объяснила одна из них. — Хозяин лавки требует денег.

Мальчик всхлипнул.

— Я не хотел.

— Конечно, не хотел, — сказала Каллиста.

Лавочник вышел из дверей.

— Госпожа, миска стоила хороших денег!

Лоренцо взглянул на черепки.

— Сколько?

Торговец назвал цену.

Лоренцо присвистнул.

— За такую сумму она должна была сама приносить воду.

Каллиста едва сдержала улыбку.

— Я заплачу, — сказала она.

Но Лоренцо остановил её.

— Позвольте мне, — сказал Лоренцо, придерживая её руку.

Каллиста посмотрела на его пальцы.

— Вы так привыкли решать за других?

Он отпустил её руку и лишь потом отсчитал деньги лавочнику.

Мальчик перестал плакать, но всё ещё прятал руки за спиной, ожидая нового окрика.

Каллиста увидела, что Лоренцо положил на прилавок ещё одну монету.

Когда они отошли, она спросила:

— Вы переплатили.

— Я умею считать.

— Потому и спрашиваю.

— Сперва хотел, чтобы лавочник перестал кричать. А потом увидел, что вы смотрите.

Она остановилась.

Лоренцо тоже.

— Вы хотите, чтобы я считала вас добрым?

— Нет.

— Тогда что?

Лоренцо ответил не сразу:

— Я хочу, чтобы вы думали обо мне хорошо.

Каллиста на мгновение перестала подбирать слова для возражения.

— Я ещё не решила, что о вас думать, — произнесла она.

— Значит, у меня остаётся надежда.

* * *

Тем временем Ирина искала их.

Сначала без особого беспокойства.

Потом с раздражением.

Ирина заметила, что ищет в толпе уже не светлые волосы Лоренцо, а синее платье сестры.

Она обошла торговые ряды, заглянула к музыкантам, спросила Фотину, не видела ли та Каллисту.

— Госпожа ушла с генуэзцем, — ответила служанка.

— Я знаю. Куда?

— К южной улице.

— Давно?

— Не очень.

Ирина пошла туда.

По дороге её остановил знакомый молодой человек из семьи местного землевладельца.

Он хотел пригласить её на следующий танец.

Она отказалась.

Она отказала ему так резко, что юноша сбился с поклона.

Стыд кольнул её, но Ирина всё равно пошла дальше.

В конце улицы она увидела Каллисту и Лоренцо.

Они стояли возле каменной ограды.

Не касались друг друга.

Даже не разговаривали.

Просто смотрели на долину.

И всё же Ирине показалось, что между ними происходит нечто важное, куда ей нет доступа.

Она остановилась.

Каллиста сказала что-то тихо.

Лоренцо улыбнулся.

Потом ответил.

Ирина не услышала слов.

Но увидела, как сестра опустила глаза.

Она знала этот жест.

Каллиста так никогда не вела себя с мужчинами.

Ни с одним.

Ирина шагнула к ним, но услышала короткий смех Каллисты — такой, каким сестра давно не смеялась дома.

Она остановилась. Ей хотелось спросить, что сказано смешного, и было страшно обнаружить, что Каллиста не обязана ей отвечать.

Она отвернулась.

На обратном пути ей повстречался Алексий.

— Ты куда спешишь?

— Никуда.

— У тебя лицо такое, будто собираешься кого-нибудь убить.

— Только если он заслужит.

Алексий вздохнул.

— Святые угодники, почему в нашей семье женщины всегда выбирают самые трудные способы быть счастливыми?

Ирина посмотрела на него.

— А мужчины?

— Мы вообще редко пытаемся.

Она невольно улыбнулась.

Но тут Алексий заметил вдалеке Каллисту и Лоренцо.

Его лицо изменилось.

— Понятно, — произнёс он.

— Что тебе понятно?

— Пока ничего. Но мне уже не нравится.

* * *

Вечером праздник достиг той степени веселья, когда даже самые благоразумные люди начинают уверять окружающих, что ещё один кубок вина никому не повредит.

Каллиста вернулась к гостям.

Лоренцо задержался возле торговых рядов.

Ирина танцевала с молодым землевладельцем, которого недавно отвергла, и делала это с таким усердием, словно собиралась наказать его за прежнюю настойчивость.

Алексий наблюдал за всеми.

Алексий следил за генуэзцем с возрастающим недоверием.

Лоренцо был предупредителен и без труда запоминал имена: поваров, стражников, людей при колодцах.

Для купца это было достоинство. Для человека, приехавшего в крепость накануне тревожных времён, — преимущество, которым можно воспользоваться по-разному.

Алексию не нравилось, что он пока не знал, как именно.

У навеса с вином он встретил старого монаха по имени Феофан.

Тот редко спускался в город и сегодня казался особенно встревоженным.

— Что случилось, отец? — спросил Алексий.

— На северной тропе видели огонь.

— Пастухи?

— Ночью. Под дождём.

Алексий пожал плечами.

— Кто-то шёл с лампой.

— Может быть.

— Вы так говорите, будто сомневаетесь.

Феофан посмотрел на него.

— Лампа была у человека в чёрном.

Алексий усмехнулся.

— Чёрный Монах?

Старик не ответил.

— Отец, подобные истории рассказывают детям, чтобы они не бегали по ночам.

— А взрослым?

— Взрослые обычно находят достаточно причин бояться и без монастырских сказок.

Феофан медленно покачал головой.

— Ваш дед тоже так говорил.

Алексий насторожился.

— Вы знали моего деда?

— Давно.

— И что он рассказывал?

Монах посмотрел на толпу.

— Однажды он видел человека, который нёс лампаду по горной тропе. Шёл сильный дождь. Ветер гнул деревья. Но огонь не гас.

— И что дальше?

— Дед ваш велел слугам догнать незнакомца.

— Догнали?

— Нет.

— Почему?

Феофан помолчал.

— Потому что следы на мокрой земле кончились посреди дороги.

Алексий хотел рассмеяться.

Но почему-то не смог.

* * *

Чуть позже историю подхватили другие.

У торговых рядов старый пастух рассказывал, как прошлой ночью видел на склоне высокую фигуру в чёрном одеянии.

— Стоял неподвижно, — говорил он. — А лампада горела у самой груди.

— Может, это был монах? — спросили его.

— Может.

— Тогда чего испугался?

Пастух перекрестился.

— Я узнал лампаду.

— Откуда?

— Отец показывал мне её изображение. В старой монастырской книге.

— И что в ней особенного?

Старик понизил голос.

— На ней два дельфина.

Каллиста, проходившая рядом, остановилась.

— Что вы сказали?

Пастух посмотрел на неё.

— Два дельфина, госпожа. Переплетённые.

Каллиста вспомнила деревянного дельфина, которого Ирина накануне нашла рядом со своей фигуркой. На груди второго проступили две линии и маленькая капля.

— Вы уверены? — спросила Каллиста.

— Настолько, насколько можно быть уверенным в том, что видел ночью.

— А лицо?

Пастух покачал головой.

— Под капюшоном было темно.

— Может быть, вы просто испугались?

— Может быть, госпожа.

Он посмотрел на неё неожиданно серьёзно.

— Только я испугался не его лица.

— А чего?

— Он назвал меня по имени.

Каллиста молчала.

— И что же? — спросила она.

— Я не слышал голоса.

— Как это?

— Просто вдруг понял, что он зовёт меня.

Пастух отвёл глаза.

— А потом он сказал ещё кое-что.

— Что?

Старик помедлил.

— Что в доме Гаврасов снова появились две девочки.

Каллиста почувствовала, как сердце на мгновение остановилось.

— Какие девочки?

— Не знаю, госпожа.

— Вы уверены, что он сказал именно это?

— Уверен.

— А где вы его видели? — спросила Каллиста.

— На тропе между балками, — ответил пастух. — Я подумал, что он идёт к воде. Но под ногами у него не было ни одного кувшина. Только лампада.

Она хотела спросить, звал ли незнакомец и кого-нибудь ещё. Но новые слушатели теснили пастуха к прилавку.

Вокруг него снова заговорили люди.

Кто-то смеялся.

Кто-то утверждал, что старик выпил слишком много вина.

Кто-то рассказывал собственную историю о Чёрном Монахе.

А Каллиста стояла неподвижно.

Ей вспомнилась старая семейная легенда.

Два дельфина.

Две сестры.

И слова отца, которые он однажды произнёс, думая, что дети спят:

«Никогда не позволяй им узнать всё одновременно».

Тогда она решила, что речь шла о какой-то семейной тайне.

Теперь впервые подумала, что это могло быть предупреждением.

* * *

Лоренцо нашёл её у монастырской стены.

Праздничный шум сюда почти не долетал.

Вечер становился прохладным.

— Вы исчезли, — сказал он.

Каллиста обернулась.

— А вы искали?

— Уже некоторое время.

— Зачем?

Лоренцо улыбнулся.

— Хотел поблагодарить за день.

— Вы ещё не видели всего Мангупа.

— Значит, мне придётся остаться.

Каллиста отвела взгляд к долине. Она медлила дольше, чем позволяла обычная учтивость.

— Вы слышали историю о Чёрном Монахе?

— Сегодня её рассказывают на каждом углу.

— И что вы думаете?

— Что люди любят тайны. Особенно если они позволяют забыть о настоящих неприятностях.

— Вы не верите?

— Во что именно?

— В человека, которого видят спустя много лет после его смерти.

Лоренцо задумался.

— Если человек умер, его следует искать среди мёртвых.

— А если он не умер?

— Тогда среди живых.

Каллиста усмехнулась.

— Как просто.

— Простые ответы редко бывают правильными, зато их удобно произносить.

Она засмеялась.

Потом снова стала серьёзной.

— Иногда мне кажется, что в нашем доме есть вещи, о которых никто не хочет говорить.

— В каждом доме есть такие вещи.

— Даже в вашем?

— Особенно в моём.

Она повернулась к нему.

— Вы скучаете по Генуе?

— Иногда.

— А по семье?

Лоренцо долго не отвечал.

Он вспомнил отца, который приучил его считать деньги раньше, чем читать стихи. Мать, умершую, когда он был ещё мальчиком. Старшего брата, считавшего Лоренцо слишком легкомысленным для серьёзных дел.

И девушку, на которой ему предстояло жениться, если торговые интересы двух семейств окажутся сильнее его собственных желаний.

— Я скучаю по тому дому, каким он был прежде, — сказал он наконец.

Каллиста посмотрела на него с неожиданной нежностью.

— Значит, мы оба хотим вернуть то, чего уже нет.

Лоренцо не ответил.

Она стояла совсем близко.

Ветер слегка шевелил край её покрывала.

Он заметил на её манжете едва видное пятно от гранатового сока — след праздничных хлопот — и ему захотелось коснуться этой руки.

Но он вспомнил тайное письмо.

Поручение.

Обязательства перед семьёй.

И собственную ложь.

Лоренцо убрал руку за спину.

Каллиста заметила движение.

И почему-то улыбнулась.

— Вы очень осторожный человек, господин ди Спинола.

— Не всегда.

— Тогда берегитесь.

— Чего?

— Того дня, когда перестанете быть осторожным.

Она пошла обратно к площади.

Лоренцо остался возле стены.

Он подумал о письме, запечатанном накануне. Каллиста стояла рядом — и всё же между ними уже лежала бумага, которой она не видела.

* * *

Ирина вернулась домой раньше остальных.

Она сняла праздничное платье, бросила красную ленту на стол и долго сидела перед зеркалом.

Фотина осторожно вошла в комнату.

— Госпожа, вы не будете ужинать?

— Нет.

— Принести молока?

— Не надо.

Служанка помедлила.

— Он вам понравился?

Ирина резко обернулась.

— Кто?

Фотина вздохнула.

— Госпожа, я слишком стара, чтобы играть в подобные игры.

Ирина посмотрела на неё.

Потом отвернулась.

— Да.

— А ему?

— Не знаю.

Фотина подошла ближе.

— Тогда не спешите узнавать.

— Почему?

— Потому что за один день вы успели рассердиться на гостя, на сестру и на собственное зеркало. Не заставляйте всех троих отвечать сегодня.

Ирина хотела возразить.

Но вместо этого вдруг спросила:

— Фотина, ты когда-нибудь любила?

Служанка улыбнулась.

— Однажды.

— И что случилось?

— Он женился.

— На другой?

— На мне.

Ирина удивлённо посмотрела на неё.

— Тогда почему ты говоришь так грустно?

Фотина села рядом.

— Потому что свадьба — только один день, госпожа. А жить вместе приходится и на следующий.

Ирина опустила голову.

— Я хочу, чтобы он любил меня.

— А вы его любите?

Девушка не ответила.

Фотина погладила её по волосам.

— Вот сначала это и узнайте.

* * *

Ночью Каллиста долго не могла уснуть.

Перед глазами стоял Лоренцо.

Его улыбка.

Его неожиданная серьёзность.

Рука, которую он хотел протянуть, но не протянул.

Она вспомнила слова, сказанные им у монастырской стены.

«Я скучаю по тому дому, каким он был прежде».

Она пыталась представить его в Генуе — за семейным столом, среди людей, чьих имён не знала.

Кому он писал письма? Кто ждал его возвращения?

Она знала, как трудно уехать из родного дома. Но ещё не знала, почему человек с таким домом за спиной так неохотно говорил о нём.

Каллиста поднялась с постели.

Подошла к сундуку.

Достала деревянного дельфина.

Знак на его груди по-прежнему был виден.

Две линии.

И маленькая капля.

Она провела пальцем по дереву.

На этот раз ничего не произошло.

Каллисте почудился шум моря — нелепый на вершине горы, далеко от берега.

Она убрала фигурку от лица. Шум не исчез.

Тихо.

Почти ласково.

— Каллиста…

Она распахнула глаза.

Комната была пуста.

Снаружи шёл дождь.

Капли стучали по кровле.

Ветер касался ставен.

Каллиста подошла к окну.

Далеко, за последними домами, у старой монастырской тропы горел огонь.

Маленький.

Золотистый.

Неподвижный.

Она смотрела на него, пока не поняла, что дождь льёт прямо на то место, где он горит.

Огонь не гас.

У огня появилась высокая фигура в чёрном.

Человек стоял лицом к городу.

Каллиста не могла видеть его глаз.

Но почувствовала, что он смотрит прямо на неё.

И вдруг поняла:

Он не искал дорогу к монастырю.

Он ждал, когда она его заметит.

* * *

На другом конце дома Ирина тоже стояла у окна.

Она увидела тот же огонь.

Ту же фигуру.

И услышала тот же далёкий голос.

Только он произнёс не имя Каллисты.

— Ирина…

Девушка отступила от окна.

Деревянный дельфин лежал у неё на ладони.

Теперь он был мокрым.

На внутренней стороне запястья выступила тонкая серебристая линия — похожая на след воды, высохшей не до конца.

Ирина попыталась стереть её.

Безуспешно.

Тогда она снова посмотрела за окно.

Чёрный Монах исчез.

За окном всё ещё теплился огонёк.

Ирина повернулась к двери. Можно было пойти к Каллисте, показать мокрого дельфина, спросить, слышала ли та голос. Вместо этого она закрыла ладонь.

В другом конце дома Каллиста распахнула ставню навстречу дождю. На монастырской тропе лампада продолжала гореть.

Глава пятая. Лампада Чёрного Монаха

Мангуп. Весна 1474 года.

Наутро после праздника святого Георгия стражник Андроник обнаружил, что человек может испугаться собственного имени гораздо сильнее, чем обнажённого меча.

Особенно если имя произносит тот, у кого нет лица.

Андроник служил в крепостной страже одиннадцать лет. За это время ему приходилось встречать татарских разбойников, пьяных купцов, разъярённых мужей и однажды кабана, забравшегося в монастырский огород.

Кабана он боялся больше всех.

До минувшей ночи.

Теперь у него появился новый повод для страха.

— Я не говорил, что видел покойника, — повторял он Алексию Гаврасу. — Я сказал, что видел монаха.

— Хорошо. Монаха.

— В чёрном.

— У нас монахи редко ходят в красном.

— С лампадой.

— И это неудивительно. Ночью темно.

Стражник помолчал.

— Господин, вы нарочно смеётесь?

Алексий отложил нож, которым разрезал кусок хлеба.

— Нарочно, Андроник. Если я перестану смеяться над подобными историями, мне придётся принимать их всерьёз. А этого удовольствия я предпочёл бы избежать.

Они сидели в небольшой караульной комнате возле ворот. У стены сохли плащи, пахло мокрой кожей, дымом и вчерашней кашей. За окном рассвет окрашивал скалы бледным золотом.

Андроник не ел.

Это беспокоило Алексия больше, чем рассказ о монахе.

— Что произошло? — спросил он уже серьёзно.

— Я обходил северную тропу. После дождя там бывает опасно, камни осыпаются. Возле старой монастырской стены увидел огонь.

— Как далеко?

— Шагов пятьдесят. Может, меньше.

— Ты подошёл?

— Да.

— И?

— Человек стоял спиной. Высокий, в чёрном одеянии. Держал лампаду.

— Что в этом странного?

— Дождь, господин.

— Дождь закончился перед рассветом.

— Тогда ещё лило.

— Лампаду можно прикрыть плащом.

— Он не прикрывал.

Алексий помолчал.

— Что было дальше?

Андроник взглянул на дверь, словно опасался, что незнакомец стоит за ней.

— Я окликнул его. Он не ответил. Тогда я подошёл ближе.

— Насколько?

— Шагов на десять.

— И увидел лицо?

Стражник покачал головой.

— Под капюшоном было темно.

— Ночь была тёмная.

— Я поднял факел.

— И?

Андроник облизнул губы.

— Свет падал на одежду. На руки. На лампаду. А лица я не увидел.

— Возможно, капюшон был глубоким.

— Возможно, — с готовностью согласился стражник.

Алексий посмотрел на него внимательнее.

Человек явно хотел поверить в любое объяснение, лишь бы оно избавило его от собственного воспоминания.

— Потом он заговорил, — сказал Андроник.

— Что сказал?

— Моё имя.

— Ты известный человек. На службе много лет.

— Он назвал меня другим именем.

Алексий перестал жевать.

— Каким?

— Тем, которым меня звала мать.

— И что же тут необычного?

Андроник опустил глаза.

— Она умерла, когда мне было шесть. Больше никто меня так не называл.

За окном прокричал петух.

Алексий отложил хлеб. Он знал Андроника взрослым и никогда не слышал этого домашнего имени.

— Ты мог ослышаться.

— Да, господин.

— После праздника многие пили.

— Я тоже так подумал.

— Вот и хорошо.

— Только он ещё сказал, что я должен передать кое-что вашей сестре.

Алексий медленно положил хлеб.

— Какой сестре?

— Каллисте.

— Что именно?

Стражник закрыл глаза, словно вновь слышал чужой голос.

— Пусть придёт к камню, где вода помнит огонь.

* * *

Каллиста выслушала брата молча.

Это было настолько необычно, что Алексий сразу насторожился.

Обычно она задавала вопросы прежде, чем собеседник успевал закончить рассказ.

Теперь же стояла у окна и смотрела на утренний Мангуп.

Город просыпался после праздника неохотно. На площади убирали деревянные столы, торговцы подсчитывали выручку, а возле дома Деметрия две женщины спорили о том, кто вчера танцевал с чужим мужем.

Каллиста слышала их голоса, но не различала слов.

Она думала о ночном огне.

О человеке в чёрном.

О голосе, произнёсшем её имя.

— Ты мне веришь? — спросила она.

Алексий нахмурился.

— В чём?

— Я тоже его видела.

— Ты вчера говорила.

— Ирина видела его тоже.

— Возможно, вы обе смотрели на одного и того же запоздавшего монаха.

— Он назвал нас по именам.

— Ты слышала голос?

— Да.

— Громко?

Каллиста задумалась.

Это был самый неприятный вопрос.

Она слышала имя совершенно ясно.

Но теперь, когда пыталась восстановить случившееся, не могла вспомнить ни тембра голоса, ни расстояния, с которого он донёсся.

— Не знаю, — призналась она.

Алексий вздохнул.

— Вот видишь.

— Что именно?

— Ты не знаешь, слышала ли голос или тебе показалось.

— А если не показалось?

— Тогда будем разбираться.

Каллиста повернулась к брату.

— Ты ведь не веришь ни единому слову.

— Верю, что ты что-то видела. Верю, что стражник чего-то испугался. Но между этим и монахом, выходящим из могилы, лежит довольно длинная дорога.

— Ты предлагаешь ничего не делать?

— Напротив. Я предлагаю выяснить, кто ходит по нашим тропам ночью и зачем пугает людей.

— Значит, ты пойдёшь со мной?

— Куда?

— К монастырской стене.

Алексий посмотрел на неё с укоризной.

— Каллиста, иногда мне кажется, что ты нарочно задаёшь вопросы, зная ответ.

— Конечно. Иначе пришлось бы слушать твои рассуждения.

Он не удержался от улыбки.

— После завтрака.

— Сейчас.

— У меня дела.

— У меня тоже.

— Какие?

— Найти человека, который знает моё имя.

Алексий взял плащ.

— Прекрасно. Только на Мангупе таких людей несколько тысяч. Постарайся ограничить поиски одним утром.

* * *

Ирина узнала об их уходе слишком поздно.

Она стояла у дверей кухни, когда Петрос сообщил, что Каллиста и Алексий отправились к северной тропе.

— Без меня?

— Да, госпожа.

— Почему?

Петрос посмотрел на неё с искренним недоумением.

— Не знаю.

— Они говорили о Чёрном Монахе?

— Кажется.

Ирина уже шагнула к лестнице, но остановилась.

Догнать брата и сестру она могла. Потом пришлось бы идти следом и ждать, когда ей позволят задать вопрос.

Она сняла с крючка покрывало, покрутила его в руках и повесила обратно.

Вместо северной тропы Ирина направилась к восточному двору, где старый мастер чинил металлическую фурнитуру. У неё был свой вопрос.

У неё появилась мысль.

Она достала из рукава деревянного дельфина.

Серебристая линия, появившаяся ночью на её запястье, исчезла, но фигурка оставалась необычно холодной.

— Мастер Гавриил, — сказала Ирина, — вы разбираетесь в старых знаках?

Седой ремесленник поднял голову.

— Смотря насколько старых.

— Очень.

— Тогда, госпожа, вам нужен монах.

— Монахов сегодня слишком много.

— Не замечал.

— Я говорю об одном.

Гавриил протянул руку.

Ирина положила фигурку на стол.

Мастер осмотрел её, повернул к свету, провёл пальцем по спине дельфина.

— Хорошая работа.

— Кто мог сделать?

— Человек с терпеливыми руками.

— Это всё?

— Иногда, госпожа, это больше, чем можно сказать о большинстве людей.

Ирина нетерпеливо вздохнула.

— Посмотрите здесь.

Она указала на место, где ночью появлялся знак.

Гавриил наклонился.

Долго рассматривал дерево.

Потом достал маленькую иглу.

— Можно?

— Осторожно.

Он поддел едва заметную линию.

Ничего не произошло.

Но когда мастер поднёс фигурку к свету, Ирина увидела на её боку крошечную прорезь. Раньше она принимала её за трещину.

— Это знак? — спросила она.

— Возможно.

— Какой?

Гавриил пожал плечами.

— Дерево помнит нож лучше, чем я чужие намерения.

Он вернул фигурку.

— Но странная вещь, госпожа.

— Какая?

— Резчик оставил место для второй части.

Ирина застыла.

— Какой второй?

Мастер показал ей изгиб фигурки.

— Видите? Здесь должен быть другой предмет. Тогда рисунок станет целым.

Ирина вспомнила дельфина Каллисты.

И впервые подумала, что отец подарил им не две игрушки.

А две половины чего-то одного.

* * *

Монастырская тропа начиналась за последними домами.

Каллиста знала её с детства.

Когда-то отец водил сюда дочерей смотреть, как весной оживают деревья на склонах. Ирина всегда убегала вперёд, а Каллиста собирала мелкие белые цветы и старательно называла их по именам.

Теперь тропа показалась ей чужой.

После дождя воздух пах мокрым известняком, травой и землёй. Камни блестели. В углублениях стояла вода.

Внизу, в зелёных балках, скрывались два известных горожанам родника.

Один называли Мужским, другой Женским.

Каллиста много раз слышала, как люди спорили об их происхождении.

Одни объясняли воду трещинами в камне и дождями, другие уверяли, что гора хранит под собой древние подземные озёра.

Её дед говорил иначе:

«Пока два источника живы, Мангуп не останется без сердца».

В детстве Каллиста считала это красивой сказкой.

Теперь вспомнила с неожиданной тревогой.

— Что ты ищешь? — спросил Алексий.

— Камень.

— Камней здесь достаточно.

— Тот, у которого видели монаха.

Стражник Андроник, шедший впереди, остановился.

— Здесь, госпожа.

У старой стены лежала широкая плоская глыба.

На её поверхности виднелись тёмные пятна.

Алексий присел.

— Масло?

Андроник покачал головой.

— Не знаю.

Каллиста провела пальцем по камню.

На коже осталась липкая тёмная крошка.

Она растёрла её.

— Воск.

Алексий наклонился.

— Похоже.

— И зола.

— Здесь могли ставить свечи.

— После дождя?

— Дождь закончился.

— Ночью шёл.

Брат посмотрел на неё.

— Ты хочешь, чтобы я признал чудо, потому что кто-то сумел сохранить огонь под дождём?

— Нет. Я хочу понять, зачем кто-то стоял здесь с лампадой.

Андроник тихо произнёс:

— Он не стоял.

Оба повернулись.

— Что? — спросил Алексий.

— Когда я впервые увидел его, он шёл вдоль стены.

— Куда?

— К обрыву.

— А потом?

— Остановился у камня.

Каллиста осмотрела землю.

Следы были плохо различимы. Дождь размыл почву, а утренние прохожие успели оставить новые отпечатки.

Но возле глыбы виднелась узкая царапина.

Свежая.

Светлый камень ещё не успел потемнеть.

— Алексий.

Он подошёл.

— Смотри.

Царапина пересекала старый углублённый знак.

Две изогнутые линии.

— Это не случайно.

— Почему?

Она не ответила.

Потому что увидела знакомый изгиб.

Такой же был на деревянном дельфине.

Но говорить брату об этом не хотелось.

Не сейчас.

Не пока она сама не понимала, что происходит.

Алексий внимательно изучил знак.

— Возможно, кто-то пытался очистить старую отметку.

— Зачем?

— Чтобы её увидели.

Он поднялся.

— Вот тебе и Чёрный Монах. Человек, использующий старое предание для устрашения жителей.

— Ты уверен?

— Нет. Но это объяснение требует меньше чудес.

Каллиста вновь посмотрела на камень.

— А что, если человек не хотел нас пугать?

— Тогда выбрал странный способ познакомиться.

Она не улыбнулась.

Потому что неожиданно вспомнила слова деда.

«Никогда не позволяй им узнать всё одновременно».

Что именно им не следовало знать?

И почему теперь кто-то словно нарочно соединял разрозненные части семейной тайны?

На обратном пути Каллиста попросила брата зайти в монастырь.

— Опять? — спросил Алексий.

— Мы ещё не заходили.

— Я говорю о твоём желании искать ответы у монахов.

— Ты предпочитаешь купцов?

— Купцы хотя бы признают, что торгуют.

— А монахи?

— Иногда мне кажется, что они продают загадки гораздо дороже.

Настоятель принял их в небольшой комнате возле монастырского двора.

Это был пожилой человек с худым лицом и удивительно живыми глазами.

Его звали отец Дорофей.

Выслушав рассказ, он долго молчал.

— Чёрный Монах, — произнёс наконец.

— Вы знаете это предание? — спросила Каллиста.

— На Мангупе трудно прожить столько лет и не услышать его.

— Но кто он?

— А кем вы хотите его считать?

Алексий вздохнул.

— Отец Дорофей, мы пришли не за загадками.

— Тогда вы ошиблись дверью, сын мой.

Каллиста едва заметно улыбнулась.

Настоятель продолжил:

— Старые записи говорят о монахе по имени Никандрос. Он жил здесь задолго до нашего времени.

— Когда?

— Точного года не знаю. Часть книг погибла. Часть перенесли в другие обители.

— Что с ним случилось?

Дорофей посмотрел в окно.

— Исчез.

Алексий развёл руками.

— Удивительно. Именно этого я и ожидал.

— Вы не верите?

— В исчезновение человека? Охотно. Люди исчезают постоянно. Особенно когда задолжали деньги.

Настоятель улыбнулся.

— Никандрос не был должником.

— Откуда вы знаете?

— В сохранившейся записи говорится о его клятве.

Каллиста подалась вперёд.

— Какой клятве?

— Этого мы не знаем.

— А о чём запись?

Дорофей встал.

— Я покажу.

Он повёл их в маленькое помещение, где хранились старые рукописи.

Пахло пылью, воском и сухим деревом.

На полках лежали книги в потемневших переплётах.

Настоятель достал узкий свёрток.

Развернул.

На пожелтевшем листе виднелись несколько строк греческого письма.

Часть текста была утрачена.

Каллиста наклонилась.

Она хорошо читала по-гречески, но старые сокращения и повреждения мешали разобрать смысл.

В одной строке уцелело имя Никандроса. Ниже говорилось о хранении чего-то доверенного ему прежде; ещё ниже упоминались двое детей.

Последняя строка была повреждена не временем: несколько слов кто-то соскоблил, оставив на пергаменте светлые царапины.

— Кто это сделал? — спросила Каллиста.

Настоятель покачал головой.

— Не знаю.

— Когда?

— Не знаю.

Алексий посмотрел на него.

— Отец Дорофей, вы удивительно осторожны в своих знаниях.

— В моём возрасте это большое преимущество.

Каллиста провела взглядом по повреждённой строке.

— Здесь было имя?

— Возможно.

— Чьё?

— Именно это мы и не можем прочитать.

Она подняла голову.

— Можно сделать копию?

Дорофей задумался.

— Если вы обещаете не выдавать догадки за истину.

Алексий усмехнулся.

— Тогда моя сестра окажется первым человеком в нашем доме, которому придётся нарушить клятву.

Каллиста даже не посмотрела на него.

Она всё ещё рассматривала имя Никандроса.

Почему ей казалось, что она уже слышала его?

Не на площади.

Она вспомнила, как отец рассказывал им с Ириной истории перед сном. В одной из них звучало это имя — или очень похожее.

Каллиста попросила лист и переписала всё, что можно было разобрать. На месте утраченных слов оставила пустые промежутки.

* * *

Лоренцо встретил Каллисту во внутреннем дворе монастыря.

Он прибыл туда по собственному делу: хотел осмотреть старые хозяйственные записи, которые могли содержать сведения о торговле, землях и путях к крепости.

По крайней мере, так он объяснил свой визит.

На самом деле после вчерашнего разговора у монастырской стены ему не давала покоя старая схема водосборных сооружений.

И ещё — два дельфина.

Знак, который он видел на пергаменте.

Он уже встречал подобное обозначение в старой торговой книге, привезённой из восточных областей Средиземноморья.

Там оно относилось не к дороге и не к источнику.

К месту хранения.

Чего именно — Лоренцо не знал.

Но мог предположить, что тот, кто составил схему Мангупа, хотел обозначить нечто важное.

— Вы тоже здесь? — спросила Каллиста.

— Похоже, судьба решила, что нам следует чаще встречаться у монастырей.

— Это вас огорчает?

— Напротив. В монастыре меньше опасности быть обманутым.

— Вы так думаете?

— Я надеялся.

Каллиста улыбнулась.

Он сразу заметил, что она устала.

Под глазами лежали лёгкие тени.

— Вы плохо спали?

— Вы теперь умеете читать лица?

— Только те, которые мне интересны.

Она отвела взгляд.

Лоренцо пожалел, что сказал это так прямо.

Но не взял слов обратно.

— Мы ищем старую запись, — произнесла Каллиста.

— О чём?

— О монахе, которого, возможно, видели прошлой ночью.

— О Чёрном Монахе?

— Да.

Лоренцо помолчал.

— Разрешите помочь?

— Чем?

— У меня неплохая память на знаки и документы. А ещё я знаю несколько языков, которыми пользовались писцы и купцы.

— Вы всегда предлагаете помощь незнакомым женщинам?

— Только тем, которые вчера показали мне красивый город.

— Вы ещё не видели самого красивого.

— Тогда у меня появляется ещё одна причина остаться.

Каллиста впервые за утро почувствовала, как тревога отступает.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы захотелось улыбнуться.

Они вошли в монастырскую библиотеку.

Лоренцо изучал запись Никандроса долго.

Он не спешил.

Сначала рассмотрел почерк.

Потом края повреждённого листа.

Затем попросил разрешения поднести его ближе к свету.

— Последнюю строку не просто соскоблили, — сказал он.

Каллиста подняла глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Здесь было несколько исправлений. Видите? Сначала писец написал одно слово, потом другое. А уже позже кто-то уничтожил часть строки.

— Можно восстановить?

— Не сейчас.

Он показал едва заметные следы букв.

— Но здесь, кажется, упоминались двое.

— Двое детей?

— Возможно.

Каллиста почувствовала неприятное напряжение.

— Почему вы так решили?

— В предыдущей строке упомянуты двое детей. Кто они, запись не объясняет.

Она долго смотрела на лист.

— Вы верите, что человек может помнить то, чего никогда не видел?

Лоренцо удивился.

— Почему вы спрашиваете?

— Иногда мне кажется, что некоторые наши семейные истории я знаю не потому, что слышала их. А потому, что они всегда были со мной.

Он не ответил сразу.

— В детстве моя мать рассказывала мне о Генуе, — произнёс наконец. — О доме, где она выросла, о маленьком саде, о дороге к морю. Когда я впервые увидел этот дом уже взрослым, мне показалось, что я возвращаюсь туда, где никогда не был.

Каллиста посмотрела на него.

— Значит, вы понимаете.

— Возможно. Но память иногда обманывает нас. Особенно когда мы очень хотим что-нибудь сохранить.

Она опустила глаза.

— А что вы хотели бы сохранить?

Лоренцо посмотрел на неё.

Вопрос был простым.

Ответ — нет.

Он мог сказать о семье.

О торговом доме.

О положении, которое создавал годами.

Но сейчас ему хотелось произнести совсем другое.

И это пугало.

— Сегодняшний день, — сказал он.

Каллиста молчала.

За стеной прошёл монах.

Где-то ударил колокол.

Лоренцо мысленно перебрал предстоящие сделки, сроки платежей и письма, которых от него ждали дома. Счёт, всегда такой удобный, не подсказал, как уйти из этой комнаты и оставить Каллисту одну.

Он сложил пергамент осторожнее, чем требовала его цена.

Они вышли из монастыря ближе к полудню.

Алексий отправился проверять караульные посты, поручив двум стражникам сопровождать сестру до дома.

Но Каллиста попросила сначала вернуться к камню.

Лоренцо согласился.

Стражники шли на некотором расстоянии.

Солнце поднялось высоко.

После ночного дождя воздух стал прозрачным, и дальние горы казались ближе, чем на самом деле.

Каллиста показала Лоренцо след воска и царапину.

Он присел возле камня.

Долго рассматривал знак.

— Любопытно.

— Что именно?

— Эта отметка сделана поверх более старого рисунка.

— Вы уверены?

— Посмотрите.

Он указал на едва заметную линию под свежей царапиной.

— Кто-то хотел привлечь внимание именно сюда.

Каллиста опустилась рядом.

Их плечи почти соприкоснулись.

Она почувствовала запах его плаща — кожа, дорожная пыль и что-то едва уловимое, напоминавшее сухие травы.

Лоренцо повернулся.

На одно мгновение они оказались совсем близко.

Он увидел у неё на виске тонкую прядь волос, выбившуюся из-под покрывала.

Ему захотелось убрать её.

Он даже поднял руку.

Но остановился.

Каллиста заметила.

— Вы всегда так осторожны? — спросила она.

— Только когда опасность особенно велика.

— Я представляю опасность?

— Боюсь, гораздо большую, чем вы предполагаете.

Каллиста улыбнулась и не отодвинулась.

И в эту минуту прозвучал голос.

— Каллиста.

Они оба обернулись.

На тропе, ведущей к старой монастырской стене, стоял человек в чёрном.

Высокий.

Неподвижный.

Лицо скрывал капюшон.

В руке он держал лампаду.

Каллиста поднялась.

— Кто вы?

Человек не ответил.

Лоренцо встал рядом.

Один из стражников окликнул незнакомца:

— Назови себя!

Фигура не шевельнулась.

Каллиста сделала шаг вперёд.

— Вы звали меня?

Тогда человек поднял лампаду.

Солнечный свет упал на металлический обод.

И Каллиста увидела знак.

Два дельфина.

Переплетённые.

Точно такие же, как на деревянных фигурках, подаренных отцом.

Она почувствовала, как подкашиваются ноги.

— Откуда у вас это?

Незнакомец молчал.

— Кто вы? — повторила она.

И вдруг услышала ответ.

Не громкий.

Не тихий.

Словно слова возникли у неё внутри.

— Ты пришла слишком рано.

Каллиста отступила.

Лоренцо схватил её за руку.

— Что случилось?

Она смотрела на монаха.

— Вы слышали?

— Что?

— Он сказал…

Она не успела закончить.

Незнакомец повернулся.

И пошёл вдоль стены.

Стражники бросились следом.

Лоренцо удержал Каллисту.

— Не надо.

— Почему?

— Там обрыв.

Но она вырвала руку.

— Он знает моё имя!

И побежала.

Тропа резко сужалась.

Слева поднималась стена, справа уходил вниз склон, покрытый кустарником и каменными уступами.

Каллиста бежала, почти не разбирая дороги.

Чёрная фигура исчезла за выступом.

Она слышала шаги Лоренцо позади.

И крики стражников.

— Остановитесь!

Но остановилась только тогда, когда земля под ногами внезапно осыпалась.

Камень скользнул вниз.

Потом второй.

Каллиста потеряла равновесие.

Перед глазами мелькнуло небо.

Она успела подумать, что сейчас упадёт.

Лоренцо схватил её за руку.

Они оба ударились о каменную стену.

Несколько мгновений никто не говорил.

Потом Лоренцо выдохнул:

— Вы решили проверить, умею ли я спасать женщин так же хорошо, как торговать?

Каллиста попыталась высвободить руку, но поморщилась: ладонь была содрана о камень.

— Простите, — сказала она.

— Охотно. При одном условии: в следующий раз выбирайте для прогулок место с менее убедительным обрывом.

Он достал льняной платок, оторвал от края узкую полосу и перевязал её ладонь. Узел получился неловким; Лоренцо распустил его и завязал снова.

— Вы всегда так тщательно заключаете соглашения? — спросила Каллиста.

— Только те, от которых зависит жизнь.

Он попытался улыбнуться. Пальцы у него всё ещё дрожали.

Каллиста не стала напоминать, что сама бросилась следом за незнакомцем. И это молчание далось ей труднее, чем извинение.

Стражники вернулись через несколько минут.

— Никого, госпожа.

Лоренцо повернулся.

— Как никого?

— За выступом тропа заканчивается.

— Должен быть спуск.

— Нет.

Каллиста посмотрела в сторону стены.

Там, где исчез монах, начиналась узкая площадка.

За ней был обрыв.

Ни дерева.

Ни лестницы.

Ни укрытия.

Только камень и воздух.

— Он не мог исчезнуть, — произнёс Лоренцо.

Один из стражников перекрестился.

Другой молчал.

Каллиста медленно подошла к месту, где стоял незнакомец.

На камне лежала маленькая тёмная капля.

Она коснулась её пальцем.

Воск.

Тёплый.

Хотя человека с лампадой уже не было.

* * *

Домой Каллиста вернулась бледная.

Ирина ждала её возле лестницы.

— Где ты была?

— У монастыря.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что никто не считает нужным говорить мне правду.

Каллиста устало сняла покрывало.

— Ирина, не сейчас.

— Именно сейчас.

Младшая сестра преградила ей дорогу.

— Ты видела его?

Каллиста подняла глаза.

— Кого?

— Чёрного Монаха.

Каллиста провела пальцем по краю стола, прежде чем согласиться.

— Да.

Ирина побледнела.

— Он говорил с тобой?

— Назвал меня по имени.

— Только тебя?

Каллиста не поняла вопроса.

— Что?

— Он назвал только твоё имя?

— Да.

Ирина медленно отступила.

Ей захотелось засмеяться.

Сказать что-нибудь язвительное.

Обвинить сестру в том, что даже призраки предпочитают разговаривать с ней.

Но вместо этого она произнесла:

— А меня он тоже звал.

Каллиста застыла.

— Когда?

— Прошлой ночью.

— Почему ты не сказала?

Ирина рассмеялась.

Без радости.

— Потому что ты не спросила.

Каллиста подошла ближе.

— Ирина…

— Нет. Теперь послушай меня.

Она достала деревянного дельфина.

Показала прорезь на его боку.

— Отец подарил нам две фигурки. Но мастер говорит, что они были сделаны как части одного целого.

Каллиста медленно посмотрела на игрушку.

— Откуда ты знаешь?

— Я спросила человека, который разбирается в дереве.

— Почему?

— Потому что мне тоже хочется что-нибудь узнать самой.

Последние слова прозвучали резче, чем она собиралась.

Каллиста молчала.

Потом протянула руку.

— Покажи.

Ирина помедлила.

Но отдала фигурку.

Сестра внимательно рассмотрела прорезь.

— У моей есть похожая.

— Я знаю.

— Откуда?

Ирина опустила глаза.

— Я видела.

Каллиста посмотрела на сестру. Ирина ждала привычного выговора — даже плечи подобрала.

Каллиста знала, какие слова сейчас произнести. Вместо этого вернула Ирине дельфина и села рядом с ней на нижнюю ступень.

— Завтра посмотрим их вместе, — сказала Каллиста.

Ирина подняла голову.

— Правда?

— Да.

— Ты не решишь всё сама?

Каллиста улыбнулась.

— Постараюсь.

Ирина закрыла ладонь с дельфином, но впервые не спрятала его от сестры.

* * *

Вечером Алексий вновь отправил людей к монастырской тропе.

На этот раз приказал осмотреть все возможные проходы, каменные уступы и старые лестницы.

Стражники вернулись без результата.

Никого не нашли.

Следов ухода тоже.

Только отпечатки обуви на влажной земле.

Они вели к монастырю.

Но обратно — нет.

Алексий долго рассматривал принесённый рисунок следов.

Потом велел позвать Андроника.

— Ты видел монаха первым?

— Да, господин.

— И он шёл?

— Да.

— Ты уверен?

— Совершенно.

Алексий положил рисунок на стол.

— Тогда объясни мне одну вещь.

— Какую?

— Если человек пришёл сюда, куда он делся потом?

Андроник молчал.

— Ты ведь не думаешь, что он растворился в воздухе?

Стражник опустил глаза.

— Я не знаю, господин.

Алексий раздражённо прошёлся по комнате.

Он не любил загадок.

Особенно тех, которые начинали влиять на жизнь его семьи.

Наконец остановился у окна.

В темноте едва различались очертания Мангупа.

Где-то внизу журчала вода.

Он вдруг вспомнил слова деда.

«Если когда-нибудь появится человек с лампадой, не спрашивай, откуда он пришёл. Спроси, кого он ищет».

Тогда Алексий был мальчиком.

И счёл это очередной стариковской странностью.

Теперь ему стало не по себе.

Он вернулся к столу.

Ещё раз посмотрел на рисунок.

И впервые за день произнёс вслух:

— Каллиста.

* * *

В ту же ночь Лоренцо не отправил очередного письма в Каффу.

Он сидел у стола и смотрел на чистый лист.

Сведения о монастырской тропе могли оказаться важными.

Старые подземные сооружения.

Скрытые проходы.

Доступ к водным запасам.

Всё это интересовало его доверителей.

Но теперь он знал, что любая такая информация могла затронуть Каллисту.

Он вспомнил, как она едва не сорвалась с обрыва.

Как её пальцы вцепились в его руку.

Как на мгновение ему показалось, что он уже опоздал.

Лоренцо обмакнул перо в чернила, вывел дату и остановился.

Завтра задержку письма можно было объяснить дорогой. Послезавтра — отсутствием посыльного. На третий день пришлось бы назвать настоящую причину.

* * *

Каллиста проснулась среди ночи.

Не от шума.

Не от сна.

От странного чувства, будто кто-то стоит рядом.

Она открыла глаза.

Комната была пуста.

Лампада возле иконы горела ровно.

На столике лежали две деревянные фигурки дельфинов.

Каллиста приподнялась.

Она ясно помнила, что вечером оставила у себя только свою.

Вторая принадлежала Ирине.

Теперь обе лежали рядом.

Нос к носу.

Словно кто-то пытался соединить их.

Каллиста взяла фигурки.

Они подходили друг к другу.

Но не полностью.

Между ними оставался маленький промежуток.

Форма этого промежутка напоминала каплю.

Она долго смотрела на него.

Потом заметила на столе влагу.

Совсем немного.

Несколько прозрачных капель.

Каллиста коснулась их.

Поднесла палец к губам.

Вода была солёной.

Она подошла к окну.

Ночь стояла ясная.

Никакого дождя.

Далеко, у монастырской тропы, горел огонёк.

Каллиста осталась у окна. Она по-прежнему боялась огня на тропе, но не задвинула ставню.

На столе лежала льняная полоска, которой Лоренцо перевязал ей ладонь. Каллиста положила её рядом с двумя дельфинами и снова посмотрела в темноту.

У монастырской тропы огонёк дрогнул — три раза, словно кто-то прикрывал пламя ладонью, а потом исчез за камнями.

Глава шестая. Поцелуй под звёздами

Мангуп. Весна 1474 года.

На следующее утро Каллиста пыталась справляться с хозяйственными заботами одной рукой. Другую, перевязанную Лоренцо, она берегла с такой осторожностью, что сама начинала на себя сердиться.

С угрозами Каллиста умела справляться. Кухарка Мария даже уверяла, что, если турки когда-нибудь придут на Мангуп, госпожа прикажет им сперва вымыть руки, а затем убираться с кухни.

Но Лоренцо не приходил. А Каллиста уже третий раз бралась солить сыр, не попробовав его.

— Ты пересолила сыр, — сказала Мария.

Каллиста подняла глаза.

— Что?

— Ты посыпала солью сыр.

— И что?

— Он уже солёный.

Каллиста посмотрела на блюдо.

Действительно.

— Я задумалась.

— Заметила, госпожа.

Мария смахнула лишнюю соль.

— Это из-за монаха?

— Возможно.

— Или из-за генуэзца?

Каллиста медленно повернулась.

Кухарка смотрела на неё с самым невинным выражением лица.

— Мария, тебе не кажется, что ты слишком много замечаешь?

— Госпожа, я тридцать лет готовлю для этой семьи. Если бы я ничего не замечала, вы давно ели бы уголь вместо мяса, а господин Алексий женился бы на первой женщине, согласившейся кормить его трижды в день.

Каллиста рассмеялась.

— И что же ты заметила?

— Что вчера один человек вернулся с монастырской тропы бледнее полотна. А другой смотрел на него так, словно готов был отдать половину Генуи, только бы тот человек снова улыбнулся.

— Ты выдумываешь.

— Конечно. Старым женщинам положено выдумывать. Иначе молодые не узнают о себе ничего интересного.

Каллиста поспешила выйти.

Но уже у двери остановилась.

— Мария.

— Да, госпожа?

— А если человек скрывает что-то важное?

Кухарка перестала улыбаться.

— Все скрывают, дитя.

— Даже от тех, кого любят?

— Особенно от них.

— Почему?

Мария вздохнула.

— Потому что чужое осуждение пережить легче, чем разочарование любимого человека.

Каллиста ничего не ответила.

Ей вдруг стало не по себе.

* * *

Лоренцо в это утро получил письмо из Каффы.

Письмо было коротким.

Это означало, что дело становилось серьёзным.

Бартоломео, старший распорядитель торговых поручений дома Спинола, не любил тратить чернила на обстоятельства, которые адресат обязан был понимать самостоятельно.

«Полученные сведения недостаточны. Нас интересуют не городские рынки и не настроение княжеского двора. Необходимо установить расположение запасных путей, водосборных сооружений и возможности снабжения крепости в случае длительных военных действий.

Не забывай, что безопасность нашего имущества зависит от предусмотрительности.

Твой брат спрашивал о сроках возвращения.

Семейные обязательства остаются в силе».

Последнюю строку Лоренцо перечитал дважды.

Семейные обязательства: неоплаченные грузы, отец, которому всё чаще требовались лекарства, брат, считавший убытки семейным позором, и давние переговоры о браке с Изабеллой Дориа.

Корабли и склады Дориа могли поправить положение Спинола. Ни Лоренцо, ни Изабелла не были настолько наивны, чтобы не понимать этого.

Он знал её с детства. Изабелла умела найти ошибку в счёте быстрее любого из приказчиков его отца и не раз давала понять, что не позволит обращаться с собой как с частью груза.

Прежде его устраивала мысль о разумном браке. Теперь он всё чаще уклонялся от разговора о сроках.

Он перечитал письмо.

Потом взял чистый лист.

«Положение княжества требует дальнейшего изучения. Прямых признаков готовности уступить торговые преимущества не обнаружено».

Он остановился.

Лоренцо поднёс перо к листу — и увидел перед собой не карту, а повреждённую ладонь Каллисты. Она позволила ему перевязать её, не спросив, ради какой выгоды он так старается.

Он вытер кончик пера о тряпицу и продолжил письмо.

Лоренцо написал:

«Достоверных сведений о запасных путях и внутренних водных сооружениях пока не имею».

Он не располагал полной схемой. Но знал, где её искать, и понимал, кого следует спросить.

Можно было вписать всего одно имя — и в Каффе довольно быстро нашли бы человека, способного показать дорогу к водосбору.

Лоренцо оставил строку без продолжения и сложил лист. Ответ получался скудным. В доме Спинола за такую осторожность вряд ли поблагодарили бы.

Письмо он пока не запечатал.

* * *

К полудню Ирина нашла сестру в комнате с семейными бумагами.

Каллиста сидела за столом. Перед ней лежали два деревянных дельфина — те самые, что ночью оказались рядом, хотя одну фигурку она оставила у Ирины.

— Значит, ты всё-таки решила заняться ими без меня, — сказала Ирина.

— Я ждала тебя. И хотела спросить: ты ночью приходила ко мне?

Ирина остановилась у стола.

— Нет. А зачем?

— Твой дельфин был возле моей постели.

— Я его там не оставляла.

Каллиста сдвинула фигурки так, чтобы сестра видела обе. У одной хвост отклонялся вправо, у другой — влево.

— Значит, у нас появился ещё один вопрос, — сказала она.

— А ответ ты опять будешь искать без меня?

— Нет.

Ирина подошла ближе.

На столе лежали пергаменты, связки писем, несколько небольших книг и старая деревянная шкатулка.

— Ты нашла что-нибудь?

— Пока нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Словно нашла, но не хочешь говорить.

Каллиста внимательно посмотрела на сестру.

— Ирина, ты иногда напоминаешь мне человека, который заранее обвиняет всех в обмане, чтобы никто не успел обвинить его самого.

— А ты напоминаешь судью, который уже вынес приговор, но из вежливости разрешает подсудимому говорить.

Каллиста вздохнула.

— Мы опять ссоримся.

— Нет. Это мы разговариваем.

— Удивительно, что у нас вообще есть друзья.

Ирина не удержалась от улыбки.

Она села напротив.

Каллиста положила фигурки рядом.

Деревянные дельфины почти соприкасались.

Один был вырезан с лёгким изгибом вправо, другой — влево. Их тела образовывали подобие круга, но между ними оставался небольшой промежуток.

— Видишь? — спросила Каллиста.

— Вижу.

— Они действительно составляли одну вещь.

— Я ведь говорила.

— Да.

Ирина подняла глаза.

— Повтори.

— Что?

— Что я была права.

Каллиста рассмеялась.

— Ты была права.

— Ещё раз.

— Не злоупотребляй редким событием.

Ирина улыбнулась, но тут заметила рисунок на одном из пергаментов.

Две переплетённые линии.

И маленькая капля между ними.

— Это откуда?

Каллиста накрыла лист ладонью.

Слишком поспешно.

Ирина сразу насторожилась.

— Ты скрываешь?

— Я не уверена, что это связано с нашими фигурками.

— Но рисунок тот же.

— Похожий.

— Каллиста!

Старшая сестра долго смотрела на неё.

Потом убрала руку.

— Это часть старой семейной схемы.

— Какой?

— Отец говорил, что она относится к водным сооружениям и некоторым дорогам Мангупа.

— И никогда нам её не показывал?

— Мне показал несколько лет назад.

Ирина откинулась на спинку стула.

— Конечно.

— Что?

— Тебе показал.

Каллиста устало выдохнула.

— Потому что я помогала ему разбирать бумаги.

— Потому что ты старшая. Первому ребёнку достаются ключи, второму — объяснения, почему двери заперты.

— И это тоже.

— А мне, значит, было нельзя.

— Тогда тебе было четырнадцать.

— Мне всегда четырнадцать, когда вам нужно что-нибудь скрыть.

Каллиста могла сослаться на возраст сестры и на отцовскую волю. Так было привычнее.

Вместо этого она придвинула к Ирине семейную схему.

— Вчера я решала за тебя. Сегодня давай посмотрим вместе.

Ирина сразу не ответила. Только отодвинула край рукава, чтобы не задеть пергамент.

Ирина посмотрела на неё недоверчиво.

— Правда?

— Правда.

Они склонились над пергаментом.

На нём виднелись линии, напоминавшие дороги, обозначения ёмкостей и несколько странных знаков.

Каллиста показала одну отметку.

— Это, вероятно, верхний родник.

— А другой?

— Другой, в соседней балке.

Ирина провела пальцем по рисунку.

— Они соединены?

— Не знаю.

— Смотри. Линии будто уходят навстречу друг другу.

— Это может быть условное обозначение.

— А может, под землёй действительно есть путь между ними.

Каллиста улыбнулась.

— Ты опять хочешь найти тайную дверь?

— А ты опять хочешь объяснить всё так, чтобы ничего интересного не осталось.

Но теперь в её голосе не было прежней злости.

Сёстры продолжили изучать схему.

Ирина первой заметила маленький знак на краю пергамента.

— А это?

Каллиста наклонилась.

Две фигуры, обращённые одна к другой.

Между ними — изображение, похожее на сердце.

— Не знаю, — сказала она.

— Ты всё знаешь.

— Вот видишь, какое разочарование.

Ирина улыбнулась.

Потом Ирина спросила:

— А Сердце Тавриды — это настоящая вещь?

Каллиста провела пальцем вдоль потрёпанного края пергамента.

— Отец говорил, что так называли древнюю реликвию. Сам он её не видел.

— Золото?

— Может быть.

— Камень?

— Может быть и камень.

— Зачем тогда эти дельфины? Разве для драгоценностей недостаточно сундука с хорошим замком?

Каллиста не нашлась с ответом.

— А если это вовсе не драгоценность? — спросила Ирина.

— Тогда что?

— Что-нибудь, чего нельзя купить заново.

Она положила дельфина на край схемы. Каллиста не стала поправлять фигурку, хотя та прикрыла часть обозначений: Ирина рассматривала не цену вещи, а то, зачем её могли прятать.

Прежде чем уйти, Ирина забрала своего дельфина. Каллиста заметила этот жест и не возразила.

* * *

Лоренцо пришёл после полудня.

Он принёс Каллисте небольшую книгу.

Не дорогую.

В потёртом кожаном переплёте, с потемневшими страницами.

— Что это? — спросила она.

— Книга о морских путешествиях.

— Вы решили научить меня плавать?

— Нет. Вы говорили, что мечтаете увидеть море. Я пока могу показать вам только пути к нему.

Каллиста раскрыла книгу. На полях кто-то спорил с автором о ветрах и берегах, сердито перечёркивал расстояния и оставлял собственные расчёты.

Надписи были разными почерками: прежние владельцы книги, должно быть, не соглашались даже друг с другом.

— Она старая.

— Да.

— И, наверное, дорогая.

— Не настолько, чтобы я мог позволить себе новый корабль вместо неё.

— Тогда зачем подарили?

— Увидел в Каффе и вспомнил, как вы говорили о море.

Каллиста перелистнула ещё страницу. Тонкие чернила на полях были почти стёрты чужими пальцами. Кто-то прежде брал эту книгу в дорогу, раскрывал на ветру, сверял по ней путь.

Обычно ей дарили ткани, серьги или сосуды для благовоний. Здесь даже даритель не мог назвать прежних хозяев.

Она закрыла книгу.

— Спасибо.

Лоренцо улыбнулся.

— Вы сказали это так серьёзно, что мне теперь придётся всю жизнь соответствовать подарку.

— Тогда не начинайте с обещаний, которых не сможете выполнить.

Он перестал улыбаться.

— Почему вы так сказали?

— Потому что люди слишком легко обещают друг другу счастье.

— А вы?

— Я предпочитаю делать то, что обещаю.

Лоренцо вспомнил письмо, лежавшее незапечатанным у него на столе. В нём не было имени Каллисты. Пока не было.

Они вышли к южной стороне плато.

День был тёплый.

Над скалами кружили птицы. Внизу лежали зелёные долины, а дальше поднимались горы, постепенно растворявшиеся в голубоватой дымке.

Каллиста показала Лоренцо старую тропу.

— Здесь отец водил нас с Ириной, когда мы были маленькими.

— Вы хорошо ладили?

— Иногда.

— А чаще?

— Чаще Ирина совершала подвиги, а я объясняла взрослым, почему они не должны её наказывать.

— Значит, она была смелее.

— Нет. Просто меньше думала о последствиях.

Лоренцо улыбнулся.

— Возможно, это и есть смелость.

— Или глупость.

— Между ними иногда трудно провести границу.

Каллиста посмотрела на него.

— Вы часто совершали глупости?

— Постоянно.

— И чем это заканчивалось?

— Обычно мне удавалось убедить окружающих, что я всё предусмотрел.

— А себя?

Лоренцо хотел ответить сразу — и обнаружил, что привычная убедительная фраза предназначалась кому угодно, только не ему самому.

— С собой труднее.

Они шли дальше.

Лоренцо рассказывал о детстве.

О Генуе, где улицы были узкими, дома высокими, а море пахло солью, рыбой и смолой.

О том, как отец впервые взял его на корабль.

О том, как старший брат смеялся над его страхом.

— Я боялся не моря, — признался Лоренцо. — Я боялся, что корабль не вернётся.

— Почему?

— Мать умерла незадолго до того. Мне казалось, что всё, что уходит, может исчезнуть навсегда.

Каллиста остановилась.

— Сколько вам было лет?

— Девять.

— Вы помните её?

— Лицо — плохо. Голос — лучше.

— Что она вам говорила?

Лоренцо улыбнулся.

— Что я слишком много задаю вопросов.

— Она была права?

— Несомненно.

— А что ещё?

Он посмотрел на долину.

— Она водила меня к пристани и показывала корабли. Я спрашивал, какой вернётся первым. Мать всякий раз выбирала другой, чтобы мне было за кого переживать.

— И кто выигрывал?

— Она. Даже когда ошибалась. Умела делать вид, что это я неправильно считал дни.

Каллиста улыбнулась, но не отвела взгляда.

— Вы скучаете по ней.

— Иногда — по её голосу. Боюсь, однажды перестану его помнить.

Для этого страха Каллиста не нашла подходящего утешения.

К вечеру они спустились к небольшой площадке, откуда открывался вид на одну из балок.

Ниже, среди камней и зелени, скрывался родник.

— Родник в нижней балке, — сказала Каллиста.

— А второй где?

— За соседним отрогом. Его отсюда не видно.

— Они похожи?

— Вода одна и та же на вкус. А дороги к ней разные. Старики говорят: земля — клад, а вода — его жизнь.

Лоренцо присел на камень.

— Два источника на одной горе. Интересно.

— Мангуп умеет удивлять.

— Вода приходит через трещины в породе. Возможно, собирается выше водоупорного слоя.

— Вы всё умеете объяснить?

— Нет. Но люблю пытаться.

Каллиста села рядом.

— А мой дед говорил, что гора хранит два сердца.

— Одно мужское, другое женское?

— Не совсем.

— Расскажите.

Она задумалась.

— Дед рассказывал, что когда-то из Тавриды пытались увезти некую святыню. Хранители разделили знак, по которому её будто бы можно было узнать.

— Разделили между двумя людьми?

— Так говорили. Дед сердился, если я спрашивала, где хранилась каждая часть.

— Вероятно, потому что сам не знал.

— Или потому, что не хотел, чтобы я принялась искать.

Лоренцо запомнил эти слова раньше, чем успел себя остановить.

Каллиста замолчала.

Лоренцо заметил.

— Простите. Я опять задаю вопросы.

— Вы купец.

— Это ещё не оправдание.

Каллиста склонила голову, принимая эту уступку с видимым удовольствием.

— У вас всегда найдётся подходящий ответ?

— Не всегда.

— А когда нет?

Лоренцо перебрал мысленно несколько выгодных ответов. Ни один не годился для разговора с ней.

— Тогда я обычно предпочитаю молчать.

Они некоторое время сидели рядом.

Внизу слышалась вода.

Каллиста вдруг сказала:

— Я хочу вам кое-что показать.

Лоренцо повернулся.

— Что?

— Только обещайте, что не станете никому рассказывать.

Он уже держал в памяти её рассказ о родниках. Теперь она просила дать слово там, где он обязан был собирать сведения.

— Обещаю, — сказал Лоренцо.

Она приняла ответ, не требуя повторить его. Именно это сделало обещание тяжелее.

Каллиста поднялась.

— Тогда пойдёмте.

В доме Гаврасов уже зажгли светильники.

Алексий ещё не вернулся.

Отец отдыхал.

Ирина находилась у себя.

Каллиста провела Лоренцо в небольшую комнату возле семейной библиотеки.

На столе стоял сундук. Она вынула ключ, но не сразу открыла крышку.

— Вы умеете читать торговые схемы. Мне нужен взгляд человека, который не вырос среди наших семейных преданий.

— Что вы хотите узнать?

— Похожи ли эти обозначения на дороги или на каналы. И может ли рисунок быть новее, чем говорит отец.

Она сама развернула пергамент. Поначалу придерживала рукой край с обозначениями водосборов. Но Лоренцо заметил две знакомые линии, и Каллиста, следя за его взглядом, убрала ладонь.

Он узнал их: часть схемы уже попадалась ему при дворе. Теперь она лежала перед ним почти целиком.

На пергаменте обозначались водосборные сооружения, направления дорог, несколько каменных построек и странные знаки, не похожие на обычные обозначения.

— Откуда она у вас?

— Из семейных бумаг.

— Вы знаете, что на ней изображено?

— Только отчасти.

Лоренцо склонился ближе.

Он увидел две линии, расходившиеся от верхней части плато.

Одна тянулась к северному склону.

Другая — к восточному.

Около каждой находился знак, напоминавший чашу.

Между ними — два переплетённых дельфина.

— Это источники? — спросил он.

— Возможно.

— А здесь?

Он указал на тонкую линию.

Каллиста посмотрела.

— Отец говорил, что часть обозначений относится к старым хозяйственным сооружениям. Некоторые он сам не мог объяснить.

Лоренцо наклонился ближе. На торговых картах дороги отмечали иначе, но здесь он узнал направление склонов и чаши у воды. При осаде подобный рисунок стоил бы дорого.

Он заставил себя отвести глаза от двух линий и посмотреть на край пергамента.

— Что вы думаете? — спросила Каллиста.

Он поднял глаза.

— Думаю, что вашему отцу следовало хранить её осторожнее.

Уголок губ Каллисты дрогнул: чужеземец вновь оценивал семейную тайну по меркам торгового груза.

— Он и хранил.

— Тогда почему показываете мне?

— Потому что доверяю вам. И потому что вы видели больше дорог, чем кто-либо из наших домашних.

Он снова посмотрел на схему. Каллиста не просила назвать места, обозначенные чашами, и не знала, что именно эту часть ему велели разыскать.

— Если ваши предположения верны, рисунок лучше не выносить из комнаты, — сказал Лоренцо.

— Я и не собиралась. Ирина рассердится уже за то, что я пригласила вас без неё.

— Вы не говорили сестре?

— Нет. Хотела сначала разобраться сама.

Лоренцо увидел возможность задать ещё один вопрос: кто имеет доступ к сундуку, где хранятся остальные копии, где лежит ключ.

Вместо этого свернул свободный край пергамента, не касаясь обозначений воды.

— Каллиста, мне следовало предупредить вас кое о чём раньше.

Она положила ладонь поверх его пальцев.

— Вы не обязаны объяснять мне всё сегодня.

У него был ответ, приготовленный для её брата, для Бартоломео, для любого проверяющего счёта. Перед ней он не сумел произнести ни одного слова.

Каллиста убрала схему в сундук и повернула ключ. Он впервые за вечер обрадовался звуку замка.

Когда они вышли из комнаты, дом уже погрузился в вечернюю тишину.

Лоренцо собирался уходить.

Каллиста проводила его до внутреннего двора.

Над Мангупом поднимались звёзды.

Воздух был прохладным, пах цветущими деревьями и влажным камнем.

— Вы сегодня очень молчаливы, — заметила она.

— Не привык, когда мне так доверяют.

— Почему?

— Люди обычно доверяют мне свои деньги. Это проще.

— А я доверила вам семейную тайну.

— Да.

— Теперь вы жалеете?

Лоренцо посмотрел на неё.

— Боюсь, что однажды пожалеете вы.

Каллиста нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

Он медленно покачал головой.

— Ничего.

Она отвела взгляд.

Несколько мгновений молчала.

Потом сказала:

— Вы странный человек, Лоренцо.

Он впервые услышал своё имя без учтивого обращения.

— А вы опасная женщина, Каллиста.

— Почему?

— Потому что заставляете меня хотеть невозможного.

Она подняла глаза.

— Чего?

Он подошёл ближе.

— Остаться.

Каллиста почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Разве вам кто-то запрещает?

— Иногда человек связан обещаниями, данными прежде, чем понял, чего хочет.

— Тогда почему он продолжает им следовать?

Он мог бы назвать хотя бы одно из обязательств: долг, письмо из Каффы, дом, который рассчитывал на его возвращение.

Лоренцо не назвал ни одного. Ещё мгновение назад он упрекал себя в молчании у сундука; теперь снова выбирал его, глядя Каллисте прямо в лицо.

Каллиста сделала шаг ближе.

— Лоренцо…

Он поднял руку и остановился, не коснувшись её.

Каллиста видела, как ему трудно решиться. Это было неожиданно: с чужими возчиками и советниками Лоренцо разговаривал так, словно любое сомнение можно обратить в выгоду.

Она сама взялась за край его рукава.

Он поцеловал её.

Его пальцы были прохладны после каменного сундука, и Каллиста крепче притянула его к себе. Повязка на её ладони зацепилась за застёжку кафтана. Они оба рассмеялись, пока Лоренцо пытался освободить ткань, не отпуская её.

— Я должен был сделать это раньше, — сказал он.

— Вы слишком долго выбирали подходящий момент.

— Я думал, что он ещё будет.

Каллиста не улыбнулась сразу. Его слова вдруг прозвучали не как любезность.

— А теперь?

— Теперь не хочу уходить.

Она коснулась его щеки. Он закрыл глаза, а она поцеловала его снова — уже без колебания и без чужой помощи.

Где-то за стеной захлопнулась ставня. Каллиста вздрогнула, потом рассмеялась над собой.

— Что? — спросил Лоренцо.

— Я думала, что ничего не боюсь.

— Я тоже, — сказал он.

Двор пах влажным камнем и весенней травой. Из кухни ещё доносились голоса, в соседнем доме спорили из-за запоздавшего ужина. Обычная жизнь не прерывалась из-за их поцелуя — и Каллисте это неожиданно понравилось.

* * *

Ирина заметила их из верхней галереи.

Во дворе стояли Лоренцо и Каллиста. Ирина сначала различила только знакомый плащ, потом руку сестры на его плече.

Она успела подумать, что Каллиста наконец расскажет ей о случившемся сама. В следующую секунду Лоренцо поцеловал старшую сестру.

Ирина ухватилась за каменный выступ, чтобы не выдать себя шагом.

Она отвернулась, но лишь на мгновение, и снова посмотрела вниз.

Теперь Каллиста смеялась. Ирина хорошо знала этот смех: дома сестра позволяла себе его редко.

Лоренцо ничего Ирине не обещал. Каллиста не могла знать о том будущем, которое младшая сестра успела придумать себе сама.

Оттого злиться было особенно стыдно.

Она отступила в темноту.

Ирина отступила в темноту.

На мгновение ей захотелось выбежать во двор.

Засмеяться.

Сказать что-нибудь жестокое.

Сделать так, чтобы они разомкнули объятия и посмотрели на неё.

Но она осталась неподвижной.

Впервые в жизни у неё не нашлось ни одной остроумной фразы.

Она вернулась в комнату, села на край кровати и достала своего деревянного дельфина.

— Значит, ты нашла своё счастье, — сказала она так тихо, что сама едва услышала.

У неё было множество слов для Лоренцо, немало — для Каллисты и ни одного, которым можно было бы назвать собственную зависть без стыда.

Она сжала фигурку. Дерево больно врезалось в ладонь, но Ирина не разжала пальцев.

* * *

Лоренцо вернулся к себе далеко за полночь.

Юсуф спал возле двери, завернувшись в старый плащ.

На столе горела лампа.

Лоренцо закрыл дверь.

Подошёл к окну.

Вдалеке виднелись огни Мангупа.

Город казался тихим.

Над крышами поднимался лёгкий дым.

Где-то лаяла собака.

Он вспомнил поцелуй.

И улыбнулся.

Потом увидел письмо Бартоломео.

Оно лежало на столе.

Сложенное.

Неотправленное.

Улыбка исчезла.

Лоренцо сел.

Он мог разорвать письмо, отказаться от поручения, рассказать Каллисте правду. Но каждое решение уже имело адресата: отца, брата, Изабеллу, женщину, которой он только что обещал остаться.

Он открыл сундук.

Достал чистый лист пергамента.

Положил перед собой.

Долго смотрел.

Потом начал рисовать.

Сначала две линии.

Затем обозначение стены.

Потом чашу возле одного из родников.

Он запоминал схемы с детства.

Отец называл эту способность семейным даром.

Лоренцо всегда считал её полезной.

Теперь память услужливо возвращала ему каждую линию схемы — именно те, которые он хотел забыть.

Перо двигалось по листу.

Он восстановил часть увиденного рисунка.

Не всё.

Некоторые детали остались неясными.

Но две линии, обозначавшие направления к водным сооружениям, получились достаточно точно.

Он остановился на двух линиях, ведущих к воде.

Внизу листа оставалось место для объяснений. Лоренцо знал, что туда впишет Бартоломео, если рисунок попадёт ему в руки.

Он поднёс угол пергамента к лампе. Тёплый воздух тронул край, но Лоренцо отвёл руку раньше, чем огонь успел захватить его.

Он сложил схему и спрятал на дно сундука.

Каллиста доверила ему пергамент, а он теперь хранил его копию. Никому её не показал. И всё-таки ключ, повернувшийся в замке, не принёс облегчения.

Спрятал на дно сундука.

Задул лампу.

Но сон не приходил.

Перед глазами снова возникла Каллиста.

Её улыбка.

Её губы.

И слова:

«Потому что доверяю вам».

Он повернулся к стене.

Сквозь темноту он всё ещё видел её ладонь, спокойно лежавшую поверх его руки у раскрытого сундука.

* * *

Ирина всё ещё сидела у окна.

Внизу погасили светильники. Каллиста, наверное, уже спала, и это было особенно несправедливо: сестра могла прожить счастливый вечер и уснуть, а Ирине досталась бессонная ночь.

На мгновение ей захотелось, чтобы Лоренцо обидел Каллисту; тогда старшая сестра наконец узнала бы, каково это — оказаться ненужной.

Желание было таким отчётливым, что Ирина невольно отняла руку от подоконника.

— Господи, — прошептала она, — не слушай меня.

Она не пожелала бы сестре настоящего несчастья. Но теперь ей было стыдно даже за ту малость, которую она себе позволила.

Деревянный дельфин лежал на подоконнике.

И вдруг Ирина заметила на нём каплю воды.

Она медленно скатилась по тёмному дереву.

Потом появилась вторая.

Третья.

Словно фигурка плакала.

Ирина протянула руку.

Вода была холодной.

Солёной.

Она подняла голову.

За окном, далеко у старой монастырской тропы, горела лампада.

Та самая.

Её свет не колебался от ветра.

Ирина долго смотрела на огонёк.

Порыв ветра прошёл вдоль галереи, и ей почудилось, будто кто-то произнёс её имя. Голос не был похож ни на женский, ни на мужской — или она просто не расслышала.

— Ирина…

Сердце бешено колотилось.

Она хотела закричать.

Позвать Фотину.

Разбудить весь дом.

Но вместо этого тихо спросила:

— Кто ты?

Ответа не было.

Только лампада продолжала гореть.

И где-то далеко, под древними камнями Мангупа, журчала вода.

* * *

На рассвете Лоренцо проснулся от стука.

Юсуф стоял у двери.

— Господин, приехал гонец.

Лоренцо сел.

— Откуда?

— Из Каффы.

— Что ему нужно?

— Передать письмо.

Юсуф протянул запечатанный лист.

Лоренцо узнал знак торгового дома.

Сломал печать.

Прочитал.

В письме было всего несколько строк.

«В Каффу прибыл представитель наших доверителей. Он направляется в сторону Мангупа.

Его интересуют не торговые соглашения.

Подготовь всё, что удалось узнать о внутренних дорогах, водоснабжении и старых сооружениях.

Он знает, что ты получил доступ к княжескому двору».

Лоренцо перечитал письмо и посмотрел на сундук. На дне лежала копия семейной схемы.

— Что-нибудь случилось? — спросил Юсуф.

— Гонец ждёт ответа?

— Ждёт. Я велел дать ему воды. Он надеялся на завтрак, но пока согласился хотя бы на это.

Лоренцо не улыбнулся.

— Передай, что напишу к вечеру.

— Он спросит, почему не сейчас.

— Тогда скажи правду: я ещё не решил, что писать.

Юсуф помедлил, словно ждал привычной шутки, но вышел без неё.

Лоренцо достал пергамент и развернул. На рисунке две линии расходились от плато к воде. За окном женщины стучали вёдрами возле колодца; мальчик просил у матери напиться.

Он перевернул лист чистой стороной вверх.

Часть II. Колодец, который помнит

Глава седьмая. Дом у восточной стены

Мангуп — Кырк-Йер. Конец 1474 года.

Ирина Гаврас покинула родной дом из-за мужчины, которого не любила.

Во всяком случае, именно так она объясняла себе случившееся.

Признать, что любила его, было бы унизительно. Признать, что он любил другую, — ещё хуже. А признать, что этой другой была собственная сестра, означало согласиться с несправедливостью мироздания.

Ирина не собиралась предоставлять мирозданию такого удовольствия.

Поэтому она уезжала.

С собой брала два платья, несколько книг, кошелёк с серебряными монетами, деревянного дельфина и твёрдое намерение никогда больше не плакать из-за Лоренцо ди Спинола.

Последнее занимало в её багаже больше всего места.

Ссора произошла накануне вечером.

За прошедшие месяцы лето успело выгореть на мангупских склонах, виноград налился соком, а затем пришла осень. На городских рынках появились новые заботы: одни торговцы пытались сбыть остатки урожая, другие запасались на зиму, третьи уже подсчитывали, сколько можно будет заработать, если следующая весна окажется неспокойной.

В доме Гаврасов тоже многое изменилось.

Каллиста стала чаще улыбаться.

Лоренцо — чаще задерживаться.

А Ирина научилась определять по шагам в коридоре, пришёл ли генуэзец.

Она ненавидела эту способность.

Ещё больше ненавидела то, что, услышав его шаги, невольно поправляла волосы.

Накануне вечером Каллиста застала её возле сундука с семейными бумагами.

— Что ты ищешь?

— Своё будущее.

— Надеюсь, не среди старых счетов. Там даже у покойников находятся неоплаченные обязательства.

— Почему? Может быть, отец уже записал, кому меня выгоднее продать.

Каллиста остановилась.

— Не говори так.

— Почему? Наш брат прекрасно понимает язык торговли. Отец — язык семейного долга. А ты теперь, благодаря своему генуэзцу, овладела обоими.

— Лоренцо здесь ни при чём.

— Разумеется. Он вообще никогда ни при чём. Особенно когда ты проводишь с ним половину дня.

Каллиста закрыла дверь.

— Если хочешь о чём-то спросить, спрашивай прямо.

Ирина засмеялась.

— Хорошо. Ты собираешься за него замуж?

Вопрос застал старшую сестру врасплох.

Не потому, что она никогда об этом не думала.

Напротив.

Думала слишком часто.

И потому, что ответа не знала.

— Мы ещё не говорили об этом.

— Как осторожно. А целоваться вы тоже начали после обстоятельного обсуждения?

Каллиста побледнела.

— Ирина.

— Что? Я сказала неправду?

— Ты не имеешь права…

— На что? Видеть? Слышать? Чувствовать?

Она шагнула к сестре.

— Скажи, Каллиста, ты хоть однажды подумала, что я тоже могу его любить?

Тишина стала такой плотной, что слышно было, как потрескивает фитиль светильника.

Каллиста смотрела на Ирину.

Потом медленно произнесла:

— Нет.

Это короткое слово причинило младшей сестре больше боли, чем любое обвинение.

— Конечно.

— Ирина, я не знала.

— Ты никогда не знаешь того, что не относится к тебе.

Каллиста вздрогнула.

— Это несправедливо.

— Зато впервые ты заметила несправедливость, когда она коснулась тебя.

Каллиста провела пальцем по замку сундука, но не закрыла крышку.

— Ты могла сказать мне.

— Чтобы ты великодушно уступила его? Как уступаешь мне место за столом, украшения или право выбрать лошадь?

— Я не стала бы…

— Вот именно! Не стала бы. Потому что любовь — не старая лента, которую можно подарить младшей сестре.

Каллиста молчала.

Ирина ждала возражений.

Хотела ссоры.

Ирина приготовила ещё одно обвинение. Если Каллиста вспылит, уехать будет проще: можно будет помнить не собственные слова, а сестринский гнев.

Но Каллиста сказала:

— Мне жаль.

Именно эти два слова оказались для Ирины хуже упрёка.

— Не смей меня жалеть!

Она схватила лежавшую на столе фигурку дельфина.

— Ты получила всё, чего хотела. А мне предлагаешь своё сочувствие!

— Я не получала всего.

— Тогда назови хотя бы одну вещь, которую у тебя отняли!

Каллиста подняла голову.

Ирина увидела в её глазах выражение, которого прежде не замечала.

Не обиду.

Страх.

— Я боюсь потерять тебя, — сказала Каллиста.

Эти слова должны были остановить младшую сестру.

Ирина сжала деревянного дельфина. Край резной прорези больно упёрся в ладонь. Каллиста ведь ничего ей не обещала — ни Лоренцо, ни даже права первой быть счастливой.

— Тогда привыкай, — ответила Ирина. — Ты не можешь удержать всех.

Она вышла.

Каллиста не последовала за ней.

Каллиста осталась у открытого сундука. Лишь когда шаги сестры стихли, она опустила крышку.

Утром Ирина приказала седлать лошадей.

Алексий встретил её во дворе.

Он стоял возле конюшни, наблюдая, как Петрос затягивает ремни дорожного седла.

— Куда собралась?

— В Кырк-Йер.

— Надолго?

— Пока не соскучусь по твоим вопросам.

Алексий посмотрел на дорожные мешки.

— Значит, надолго.

Ирина собиралась ответить колкостью, но брат продолжил:

— Ты поговорила с отцом?

— Он знает.

— Это не ответ.

— Он разрешил.

— Удивительно.

— Что именно?

— Что наш отец ещё способен принимать решения, когда две его дочери одновременно настаивают на противоположном.

Ирина отвернулась.

Алексий подошёл ближе.

— Ты едешь к Эстер?

— Да.

— Она ждёт тебя?

— Я отправила письмо.

— Когда?

— Три дня назад.

Брат нахмурился.

— Значит, ты собиралась уехать ещё до вчерашней ссоры.

Ирина промолчала.

— Это из-за Лоренцо?

— Если произнесёшь его имя ещё раз, я уеду без прощания.

Алексий вздохнул.

— Ирина, мужчины иногда оказываются недостойны той власти, которую женщины добровольно им отдают.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Ты говоришь как человек, однажды переживший несчастную любовь.

— Я говорю как человек, которому пришлось наблюдать несколько счастливых браков.

Ирина невольно улыбнулась.

Алексий осторожно положил ладонь ей на плечо.

— Если хочешь уехать — поезжай. Но не думай, что новое место избавит тебя от старых чувств. Сердце, сестрёнка, в дорожный мешок не сдашь.

— Ты всё испортил.

— Что?

— Я почти решила, что ты умный.

Он обнял её.

Она сопротивлялась всего мгновение.

Потом крепко прижалась к брату.

— Береги себя, — сказал Алексий.

— И ты.

— И постарайся не устроить переворот в Кырк-Йере.

— Ничего не обещаю.

— Вот этого я и боялся.

Каллиста вышла проводить сестру, когда всё уже было готово.

Ирина надеялась, что она не придёт.

И ещё сильнее надеялась, что придёт.

Обе надежды исполнились в неправильном порядке.

Каллиста остановилась возле лошади.

— Эстер получила моё письмо?

— Ты ей тоже написала?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы она знала, что ты едешь.

— Я сама умею писать.

— Знаю.

— И договариваться.

— Знаю.

Ирина открыла рот, чтобы возразить.

Но Каллиста вдруг протянула ей небольшой свёрток.

— Возьми.

— Что это?

— Дорожная еда.

— Я не ребёнок.

— В таком случае взрослой женщине не составит труда отказаться от пирогов с сыром, которые Мария пекла всю ночь.

Ирина взяла свёрток.

Потом не выдержала:

— А ты?

— Что я?

— Ты тоже не спала?

Каллиста посмотрела в сторону.

— Немного.

Ирина сжала поводья.

Ирина протянула руку к рукаву сестры, но вместо этого поправила повод. Пальцы у Каллисты были в муке: она, видно, тоже помогала Марии с дорожными пирогами.

— Не пиши мне каждый день, — сказала она.

— Хорошо.

— И не присылай людей проверять, всё ли со мной в порядке.

— Постараюсь.

— И не решай за меня, когда возвращаться.

Каллиста улыбнулась.

— Тогда хотя бы сообщи, когда решишь сама.

Ирина поставила ногу в стремя.

Уже поднявшись в седло, обернулась.

— Каллиста…

Старшая сестра подняла голову.

— Да?

Ирина сжала повод, пока кожа не скрипнула.

Потом произнесла:

— Ты могла бы иногда ошибаться.

Каллиста не улыбнулась.

— Поверь, я делаю это гораздо чаще, чем ты думаешь.

Ирина тронула лошадь.

Только за воротами она поняла, что забыла обнять сестру.

Возвращаться было поздно.

Во всяком случае, так ей тогда казалось.

Дорога к Кырк-Йеру оказалась гораздо труднее, чем представляла Ирина.

Поначалу её сопровождал знакомый торговый обоз. Вместе ехали Петрос, двое вооружённых слуг, несколько купцов и семейство ремесленника, переселявшегося ближе к ханским владениям.

В первый день Ирина наслаждалась свободой.

Никто не спрашивал, хорошо ли она одета.

Никто не напоминал, что нужно поесть.

Никто не советовал вести себя благоразумнее.

На второй день начался дождь.

На третий день одна из лошадей захромала. Ирина сама велела остановиться, хотя ещё утром торопила всех быстрее добраться до ночлега.

Чтобы облегчить поклажу, пришлось переложить вещи с хромой лошади и заново увязать мешки. Ирина взялась за ремни, прежде чем Петрос успел предложить помощь.

Завтрак приходилось устраивать самой.

Сапоги промокали.

Дорожная пыль проникала в одежду даже после дождя — стоило лишь немного подсохнуть земле.

А самое ужасное заключалось в том, что Петрос, получивший от Алексия распоряжение беречь госпожу, начал разговаривать с ней так же осторожно, как обращаются с дорогим, но плохо закреплённым грузом.

— Госпожа, лучше ехать медленнее.

— Почему?

— Камни скользкие.

— Я вижу.

— Тогда не торопитесь.

— Петрос, если ты ещё раз скажешь мне, как следует ездить верхом, я велю тебе идти пешком.

Юноша подумал.

— Пешком по этой дороге безопаснее.

Ирина фыркнула и всё-таки рассмеялась.

Петрос даже не улыбнулся; именно это было хуже всего.

— У тебя совершенно испорченный характер.

— Господин Алексий говорит то же самое.

— Это потому, что он тебя воспитывал.

— Нет, госпожа. Это потому, что я слишком долго служу вашей семье.

К вечеру Ирина дважды рассмеялась, ни разу не вспомнив, кто кого обидел за мангупским столом. От этого ей стало неловко лишь перед сном.

Но ночью ей приснилась Каллиста.

Та стояла у мангупских ворот и держала в руках два деревянных дельфина.

Ирина пыталась подъехать к ней, но дорога всё удлинялась.

Когда же наконец приблизилась, сестра оказалась старой женщиной с седыми волосами.

— Ты слишком долго ехала, — сказала Каллиста.

Ирина проснулась с криком.

Петрос прибежал первым.

— Госпожа!

— Ничего. Сон.

— Плохой?

— Очень.

— Разбудить остальных?

— Нет.

Он постоял возле её шатра.

— Принести воды?

Ирина неожиданно вспомнила два мангупских родника.

Один в верхней балке, другой в нижней.

В детстве она любила ходить к воде.

Каллиста всегда предупреждала, чтобы младшая не подходила слишком близко к скользким камням.

Ирина нарочно подходила.

Тогда сестра хватала её за руку.

Теперь никто не хватал.

И почему-то от этого стало не легче, а страшнее.

— Принеси, — тихо сказала она.

На дороге всё чаще встречались люди, обсуждавшие происходящее в Крыму.

Один купец уверял, что в Каффе генуэзцы готовят новые соглашения.

Другой утверждал, что османы слишком заняты собственными делами, чтобы думать о горных крепостях.

Третий вообще считал, что сильные державы существуют исключительно ради того, чтобы портить торговлю людям, умеющим работать.

— А вы откуда едете? — спросил он Ирину.

— С Мангупа.

— Феодоро?

— Да.

Купец посмотрел на неё внимательнее.

— Говорят, там теперь не доверяют генуэзцам.

Ирина почувствовала неприятный укол.

— Почему?

— Потому что генуэзцы привыкли договариваться с теми, кто сильнее.

— А разве купцы не всегда так поступают?

Мужчина усмехнулся.

— Девушка, вы рассуждаете как человек, которому ещё не приходилось платить за собственную безопасность.

Ирина собиралась возразить.

Но неожиданно поняла, что не знает, что ответить.

Она выросла в доме, где торговые пошлины, оборона дорог и отношения между правителями обсуждались за ужином.

Однако прежде эти разговоры казались ей частью взрослого мира, который только мешал заниматься собственной жизнью.

Теперь она впервые услышала, как чужие люди обсуждают судьбу её дома.

И почувствовала, что Мангуп находится гораздо дальше, чем показывала дорога.

— А что говорят о князе? — спросила она.

Купец пожал плечами.

— Правители думают, что управляют событиями. А события обычно терпеливо ждут, когда правители закончат думать.

— Вы слишком мудры для торговца.

— Это потому, что я уже трижды разорялся.

— И снова торгуете?

— Разумеется. Не могу же я позволить несчастьям пропасть без пользы.

Ирина рассмеялась. Трижды разорившийся купец явно намеревался жить достаточно долго, чтобы разориться в четвёртый раз.

Вечером Ирина достала бумагу. Сначала вывела: «Дорогой брат, теперь тебе придётся признать, что я умею ездить без твоих наставлений». Прочла и зачеркнула.

Вместо этого написала о разговорах купцов — кто слышал о новых соглашениях в Каффе, кто не верил в османскую угрозу, а кто уже запасал зерно. После каждого слуха поставила: «Со слов такого-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.